

ИРИНА ГРИН

НАРУШЕННАЯ
ЗАПОВЕДЬ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Ася и Кристина

Ирина Грин

Нарушенная заповедь

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грин И.

Нарушенная заповедь / И. Грин — «Эксмо», 2017 — (Ася и Кристина)

ISBN 978-5-699-96681-3

Во время экстремального лыжного похода Асе пришлось заночевать в странном доме. Экономка сказала, что ни одна женщина, оставшаяся тут на ночлег, не проживет и трех лет. Девушка не поверила в пророчество, но, когда этот срок вышел, на нее обрушились несчастья... Крестину уволили с работы и обвинили в похищении сына начальника! И это в то время, когда она попала в больницу со сломанной ногой... Ася и Кристина оказались соседками по палате и выяснили, что источник их бед — в том самом зловещем полуразрушенном доме, давно оставшемся без хозяев. Чтобы любовно обжитой дом превратился в беспощадного убийцу и начал уничтожать своих счастливых обитателей, должно было сойтись немало совершенно разных причин: одиночество, равнодушие, ревность, зависть и даже большая любовь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96681-3

© Грин И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	29
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирина Грин

Нарушенная заповедь

© Грин И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Ася остановилась, воткнула лыжные палки в снег и попыталась оттянуть рукав куртки, чтобы посмотреть на часы. Напрасный труд – перчатка задубела на морозе и не хотела гнуться. Поискала глазами солнце. Вон оно – белое, едва заметное на таком же белом небосводе, уже почти касается веток деревьев. Еще немного, и короткий зимний день перетечет в ночь. И тогда станет еще тяжелее. Правда, есть фонарики, но вряд ли Стас согласится ими воспользоваться – свет может выдать их местонахождение тому, кто идет по пятам. Или не идет? Ася обернулась, поглядела по сторонам. Кроме Стаса, чья спина маячит довольно далеко впереди, – никого. И почему она согласилась на эту авантюру? Ведь сразу поняла, что это не для нее! Сорок километров! Если посчитать дорогу на работу и обратно и прибавить походы по магазинам, столько она проходит за неделю.

Не останавливаясь, Стас оглянулся, недовольно махнул рукой, и Ася, сунув руки в петли палок, пустилась вдогонку.

– Ну ты чего? – спросил Стас, когда Ася с ним поравнялась. – Привала еще никто не объявлял. Сейчас спустимся, – он указал палкой на довольно крутой склон, – дальше будет распадок. Там накатанное место – можно и в темноте топтать. Пройдем его, и останется всего ничего – километров тридцать.

– Как тридцать? – Асин голос предательски дрогнул. – А сколько мы уже прошли?

– Какая разница? И не вздумай реветь! – возмутился Стас, но навигатор достал и, шевеля губами, стал подсчитывать: – Восемнадцать километров за три с половиной часа. Очень даже неплохо. Но расслабляться рано.

– Значит, осталось двадцать два километра? – пытаюсь справиться с отчаянием, спросила Ася.

– Да нет же, нет! – Стас поморщился от такой беспросветной бестолковости спутницы. – Я же сказал, после того как мы пройдем распадок, останется тридцать километров, вернее, двадцать девять с чем-то.

– Но ты же говорил...

– У нас на хвосте специально обученные люди. Они ждут, что мы пойдем по самой короткой дороге. А мы, вопреки их ожиданиям, сделали крюк, и теперь у нас гораздо больше шансов уйти от преследования. Неужели это непонятно? – он уже почти кричал, и от этого крика, эхом разносящегося по притихшему сосняку, у Аси разболелась голова.

– Если бы ты заранее сказал...

– И что тогда? Что бы изменилось?

– Я не знаю... Голова болит... Сильно...

– Это от избытка свежего воздуха, – он уже взял себя в руки и даже попытался изобразить подобие сочувствия. – Ничего, еще часик – и устроим привал. Давай соберись! Я пойду не слишком быстро, а ты – за мной, делай, как я. – И Стас двинулся вниз по склону.

Спускаться по глубокому снегу было непросто, и скоро у Аси заныли лодыжки. Зато, сконцентрировавшись на том, чтобы не упасть, она забыла о головной боли.

Ночь застала их в распадке, на узкой тропе, зажатой между двумя холмами, поросшими карабкающимися вверх соснами. Сначала в темноте растворились верхушки деревьев, а вскоре стало вообще ничего не видно, кроме эмблемы фирмы-производителя из светоотражающего материала на спине у Стаса – буквы «М» в тройном кольце.

«Как мишень», – сказал он, впервые примеряя костюм, но в целом снаряжением остался доволен. Костюмы и правда были замечательные. Легкие, практически невесомые, они защищали от холода и ветра. Производители гарантировали, что в них можно ночевать на снегу при температуре до тридцати градусов ниже нуля. И хотя Стас обещал, что спать под открытым небом они не будут, Ася уже успела убедиться, что безоглядно верить его словам не стоит.

Буква «М» впереди застыла. «Неужели привал?» – подумала Ася, чувствуя, что еще немного, и она усядется прямо на снег, причем так основательно, что сдвинуть ее с места сможет разве что бульдозер.

– Есть два варианта: устроиться на ночлег прямо здесь, – сказал Стас, – или добратся-таки до деревни. Тут совсем недалеко, не больше пары километров.

– Здесь, здесь! – энергично закивала Ася, и откуда только силы взялись.

– Здесь, здесь! – передразнил ее Стас. – Здесь придется грызть галеты из армейского пайка с чаем, не факт, что горячим. А в деревне может перепасть что-нибудь повкуснее. И спать у растопленной печки лучше, чем на снегу, пусть даже в фирменных костюмах. Синоптики, конечно, обещали, что температура ниже тридцати не опустится, но сама знаешь – они никакой ответственности за свои прогнозы не несут.

Асе абсолютно не хотелось есть. И к теплой печке не хотелось. Из всех желаний осталось только одно: упасть в сугроб, свернуться калачиком и уснуть. А еще лучше – предварительно отстегнуть голову, чтобы хоть ненадолго избавиться от вновь давшей о себе знать головной боли. Но Стас, похоже, твердо решил устроиться на ночлег в деревне и вникать в Асины желания не собирался.

– Пошли! – скомандовал он тоном, пресекающим любые попытки возражения.

«Пара километров – это примерно три тысячи шагов, – прикинула Ася, – то есть семьсот пятьдесят раз по четыре шага». Она машинально стала считать шаги: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре. Как в школе на физкультуре, единственному предмету, по которому у нее всегда была тройка. Перед самым выпуском физрук Борис Васильевич пожалел неспортивную отличницу и пообещал закрыть глаза и нарисовать четверку, если Ася пробежит кросс. Всего один километр. Не на время, главное – благополучно добраться до конца дистанции. Ася морально готовилась к испытанию несколько дней и теоретически готова была пробежать не один километр, а марафонскую дистанцию – 40 с лишним. «Подумаешь, – уговаривала она себя, – всего четыре круга!» Но к концу второго круга закололо в боку, к концу третьего потемнело в глазах. До финиша она добралась, опираясь на плечо Стаса, который вместе с Ритой пришел поддержать одноклассницу. Рита! Это для нее предназначался Асин костюм с фосфоресцирующей буквой «М» на спине...

Тропа сделала поворот, огибая раскидистый дуб, и впереди путеводными звездами замерцали огни деревни. Ася вдруг почувствовала прилив сил; очевидно, что-то подобное испытывает до предела измотанная дальней дорогой лошадь, почувствовав запах родного стойла. Ноги задвигались быстрее. Раз-два-три-четыре, раз-два... Боковым зрением она заметила справа огонек. Что это? Неужели их догнали? Неужели расчеты подвели Стаса и весь этот бесконечный мучительный путь оказался напрасным? Ася остановилась и неуклюже поправила перчаткой выбившиеся из-под шапочки волосы. Свет мелькнул снова, и она успокоилась: он был слабым, теплым и живым, не похожим на мертвенный свет галогенных фонарей, которыми наверняка оснащены их преследователи.

– Стас! – окликнула она спутника. – Там, кажется, был свет!

Стас остановился, воткнул палки в снег.

– Кажется или был? Ась, давай, поднажми, немного осталось!

И в этот момент огонек мелькнул снова, и Ася явственно увидела совсем недалеко, метрах в тридцати, дом. Довольно высокий, он был полностью погружен в темноту, лишь в самом низу мелькал огонек, будто кто-то ходил по комнатам со свечой или керосиновой лампой. Свет

завораживал, манил, обещая тепло и уют, но одновременно пугал. Кем мог быть хозяин дома, стоящего на отшибе, особняком от остального жилья? Во всяком случае, общительность и человеколюбие явно не относились к его характерным чертам. Интересно, что бы сказал Стас, услышав ее мысли? Они с Ритой всегда смеются над этой Асиной способностью придумать целую историю на пустом месте, называют фантазеркой. Стас не такой. Вот и сейчас он не стал тратить время на пустые разговоры, а решительно направился к дому.

Луч фонарика скользнул по затейливой резьбе, небольшому зарешеченному оконцу, напомнившему Асе проем в калитке монастыря из старого фильма, и остановился на кнопке вполне современного звонка. Рука Стаса потянулась к кнопке, и Асю вдруг охватило непреодолимое желание одернуть его – от двери веяло холодом враждебности, по сравнению с которым усилившийся к ночи мороз казался детской забавой. Но было поздно – Стас уже вовсю давил на кнопку, и Ася, сжавшись от страха, вслушивалась в нервные трели, взрывающие тишину странного дома.

Дверь распахнулась, будто изнутри ее с силой толкнули. На пороге стояла женщина в глухом черном платье. Высокая, абсолютно седые волосы туго стянуты в пучок. Хозяйке (для себя Ася решила, что женщина с такой величавой осанкой и гордой посадкой головы не может оказаться никем, кроме хозяйки особняка) было не меньше семидесяти, но язык не поворачивался назвать ее старухой. Казалось, это средневековая герцогиня открыла дверь своего замка, чтобы дать приют усталым путникам. Усиливали сходство массивные серебряные серьги с черными камнями, ажурный крест на груди и самая настоящая жирандоль с пятью свечами, которую женщина подняла, чтобы получше рассмотреть лица непрошенных гостей. При этом хрусталики, щедро украшающие светильник, тихо зазвенели и рассыпали по стенам блики, а в серьгах хозяйки вспыхнули и тут же погасли темно-малиновые звезды.

– Здравствуйте, – Стас, всю самоуверенность которого как ветром сдуло, изобразил что-то похожее на поклон и застыл в ожидании ответа.

Однако хозяйка продолжала хранить молчание, и Стас, уже слегка пришедший в себя, продолжил:

– Помогите, пожалуйста. Мы с женой, – он кивнул на Асю, – заблудились. Не разрешите ли вы переночевать в вашем доме?

«Зачем он соврал, что я его жена?» – промелькнуло в голове у Аси. Она не сводила глаз с бесстрастного лица хозяйки и уловила, что при слове «жена» ее тонкие губы слегка изогнулись в саркастической усмешке.

– Мы хотели попроситься на ночлег в деревне, – продолжил Стас, не дождавшись ответа, – но супруга очень устала и не может идти дальше. Вы же не допустите, чтобы мы замерзли на пороге вашего дома?

Стас в критический момент умел выглядеть очень убедительным, и сейчас был именно такой момент, но женщина продолжала безмолвствовать.

– Вы слышите меня? – он слегка повысил голос.

Хозяйка поморщилась:

– Слышу. Но считаю, что вам, молодой человек, и в особенности вашей так называемой жене лучше все-таки дойти до поселка. На лыжах тут не больше двадцати минут ходу, не успеете замерзнуть.

И она предприняла попытку закрыть дверь. Но не таким человеком был Стас, чтобы его удалось вот так запросто отшить. Он ухватился за дверную ручку и вкрадчивым голосом проговорил:

– Я понимаю ваше недовольство. Еще бы: являются среди ночи непонятно кто, нарушают покой, требуют к себе внимания. На самом деле нам достаточно уголка в прихожей. У нас есть спальники, мы приляжем тут, прямо под дверью, а с рассветом покинем ваше жилище.

– Это не мое жилище, я тут такой же гость, как и вы, – возразила женщина. – Сразу видно, что вы издалека и ничего не слышали об этом доме. В противном случае вы бы ни за что не захотели оставаться под его крышей даже на час, не то что на всю ночь.

– Да, мы чужие в этих местах, – Стас склонил голову, делая вид, что он сильно удручен этим обстоятельством. – Иначе не попали бы в подобную передрыгу. Но я уверен, что вы не чужды христианского милосердия и не позволите нам замерзнуть на пороге.

Ася никогда не слышала, чтобы Стас выражался подобным образом, но, похоже, ему удалось расположить к себе хозяйку.

– Хорошо, – немного помедлив, согласилась она, – я пушу вас переночевать в холле. За последствия не отвечаю. Только лыжи оставьте, пожалуйста, снаружи.

И она на шаг отступила, впуская гостей в дом. Холл, в котором им был обещан ночлег, начинался сразу от входной двери и был неприветливым и холодным. Осмотревшись, Ася обнаружила большой камин. С двух сторон от него возвышались канделябры в человеческий рост. Легкой походкой, словно она не переступала ногами, а летела над полом, хозяйка (несмотря на ее заверения в обратном, Ася мысленно продолжала именовать ее так) скользнула к канделябрам и зажгла свечи.

Стало чуть-чуть уютнее, но ненадолго – уж очень грустный запах стоял в холле. Запах одиночества, заброшенности. Так пахнет в домах, где долгое время никто не живет.

Хозяйка тем временем скользнула к двери, ведущей в глубь дома. Откуда-то в ее руке появилась довольно увесистая связка ключей. Звякнул металл, проскрежетал замок, отрезая вход в остальные комнаты.

– Ну, все, – заявила женщина. – Я уйду. У вас еще есть время передумать. Я бы не советовала тебе, – взгляд ее глаз был устремлен на Асю, – ночевать здесь.

– Но п-почему? – впервые за время, что они находились в доме, вымолвила Ася.

– Старожилы этих мест говорят, что дом проклят. Ни одна женщина, которая провела хотя бы одну ночь под его кровом, не прожила после этого больше трех лет.

– Но п-почему? – снова промямлила Ася, позабывшая все слова русского языка, кроме этих двух.

Вопрос остался без ответа, – как была, в одном платье, с жирандолью в руке, женщина толкнула входную дверь и исчезла. Еще несколько мгновений с улицы доносился звон хрусталя, а потом все стихло.

– И долго будешь столбом стоять? – вывел Асю из состояния ступора раздраженный голос Стаса. – Давай стелиться. Похоже, кормить и согревать нас никто не собирается, будем довольствоваться тем, что есть.

Он стащил перчатки, сбросил рюкзак, пощупал стены, пощелкал пальцами по латунной дровнице с аккуратно сложенными поленьями, присел на корточки и заглянул под забрало рыцарю, гордо держащему в руках кочергу. Подошел к декоративному резному панно на стене напротив камина и восхищенно поцокал языком.

– Ась, глянь, красота какая!

Панно и вправду было очень красивым. На причудливо изогнутых ветвях, среди листьев, вырезанных так искусно, что была отчетливо видна каждая прожилка, прохаживались птицы. Клювы их были открыты, тонкие горлышки вытянуты и напряжены. Создавалось впечатление, что птицы живые и только из-за какого-то досадного недоразумения холл не наполняют их звонкие голоса. Ася прикоснулась к дереву, и иллюзия жизни растаяла. Оно было холодным и мертвым. Откуда-то из переплетения ветвей тянуло сквозняком. Она отдернула руку, а тем временем Стас, обладающий более грубой душевной организацией, обследовал пальцами край панно.

– Эта штукавина тут неспроста, – заметил он, и тут же, подтверждая его слова, внутри стены что-то щелкнуло. Резное украшение оказалось не чем иным, как дверью. – Я же говорил!

– Стас, что ты делаешь?! – вскрикнула Ася, возмущенная таким бесцеремонным посягательством на чужое добро.

– Да это шкаф! – сказал Стас, открывая дверь. – Пустой. Ни одного скелета! А ты боялась. Шкаф, задняя стенка которого представляла собой старое запыленное зеркало, действительно был пуст.

Стас нажал на дверь, и она с тихим щелчком стала на место. Оглядевшись по сторонам в поисках места для отдыха, он направился к небольшой оттоманке, которая вместе с очагом, канделябрами, рыцарем, дремавшей в углу вешалкой с ветвистыми рогами и маленьким столиком для сумок и корреспонденции составляла все убранство прихожей.

– М-да, диванчик подкачал, – сказал Стас, пощупав обивку, – даже не знаю, как лучше – на нем или на полу.

Ася подошла поближе, коснулась пальцами ткани. Это был бархат необычно глубокого ультрамаринового оттенка, отсыревший и кое-где взявшийся пятнами плесени.

– Пожалуй, лучше на полу, – согласилась она.

Для ночевки на снегу у них в арсенале имелись легкие, практически невесомые спальные. Через мгновение Стас уже расстелил оба спального, пододвинул столик, смахнув рукой пыль, положил на столешницу пачку галет, поставил термос с чаем и две пластиковые кружки. Затем стащил ботинки, уселся, вытянув ноги, и застонал от удовольствия.

– Здорово-то как, Аська! Всего-то лыжи снял, а ощущение... – Он замолчал, подбирая слова, но, очевидно, приходящие на ум выражения были слишком слабы, чтобы передать состояние охватившего его восторга, поэтому он предпочел оставить слова при себе.

– Садись! – Стас приглашающе похлопал по спальному. – Сейчас мы с тобой врежем по чайку! Врежем?

Молчание спутницы волновало Стаса. Не хотелось ему связываться с ней, ведь знал, что из всех знакомых баб Аська – самая неподходящая кандидатура. Мало того, что доходяга, так еще и мнительная до безобразия. Как что в башку взбретет или кто скажет что не то – считай, всё пропало. Вот как сейчас эта бабка с ее бреднями. Теперь будет всю ночь себя накручивать, и какой после этого с нее ходок? И так отстают от графика. А все Ритка! Асю возьмем, Асю! Вот и взяли. На фига, спрашивается? А ведь когда-то он был в нее влюблен. С третьего класса их дразнили женихом и невестой. И мать подливала масла в огонь. Асечка то, да Асечка се, цветочек экзотический. Ага, цветочек! Агава бледно-зеленая, – Стас вспомнил любимый Асин цветок. Вот Марго – на самом деле цветок. Редкостный. Из тех, что питаются доверчивыми мошками, прельщенными их красотой. Со Стасом они – одного поля ягоды, а Ася...

Она продолжала стоять, будто статуя в греческом зале. Что бы такое сделать, чтобы она немного расслабилась? Способа у Стаса было всего два. Первый – накатить по соточке. Но сейчас это невозможно – спиртного он с собой не взял и теперь пожалел об этом. Придется воспользоваться вторым, благо для этого, как говорится, все под рукой.

Стас встал, подошел к своей спутнице и, приобняв ее за талию, осторожно усадил на спальник.

– Чаю? – улыбнулся он одной из самых обворожительных своих улыбок, устраиваясь рядом.

Она сосредоточенно кивнула и спросила:

– Как думаешь, это правда, насчет проклятия?

– Дурочка ты моя сентиментальная! – Стас обнял Асю, притянул к себе.

– Думаешь, она нас пугала? Но зачем?

Договорить она не смогла, губы Стаса прижались к ее губам, его рука скользнула ей за пазуху.

На мгновение Ася застыла, не веря в происходящее, а потом попыталась оттолкнуть Стаса. Чувствуя сопротивление, он отбросил все свои учтивые манеры. Движения стали гру-

быми, руки, стягивающие комбинезон, казалось, сдирали кожу. Ася почувствовала, что задыхается. Извиваясь всем телом, она сумела высвободить одну руку. И вцепилась Стасу в волосы, пытаюсь оттащить от себя.

– Дура, больно! – взвыл он.

Приток кислорода и радость от маленькой, но все-таки победы прибавили Асе сил, и, схватив первое, что попало под руку, она изо всех сил ударила ухажера по голове. Раздался оглушительный хруст. «Боже, я проломила ему череп!» – с ужасом подумала Ася и зажмурилась.

– Чокнутая ты все-таки, Аська! – донесся до нее возмущенный голос Стаса. – Ты ведь когда-то этого хотела. Признайся! Хотела?

Трупы не ругаются, и Ася, открыв глаза, тупо уставилась на смятую пачку галет. Вспышка ярости потихоньку уходила, уступая место раскаянию. А если бы ей под руку попался термос? Ведь она могла убить Стаса!

Возмущенно сопя, Стас налил чаю, отобрал у Аси злосчастную пачку, вытащил две галетины, положил сверху на Асину кружку (как покойнику – отметила она) и шумно отхлебнул из своей. Разговаривать не хотелось. Кто ее знает, эту чокнутую, еще расскажет все Ритке. Но, бросив раздраженный взгляд на Асю, вцепившуюся в кружку, понял – не расскажет. А еще понял, что Марго заранее просчитала ситуацию, потому и подсунула ему сестричку. Знала, что она ничего такого не позволит. Вот змеиная семейка! Отхлебнув еще глоток чаю, Стас засунул в рот сразу две галетины и заглянул в пачку – все остальные от столкновения с его головой превратились в обломки. Выуживать их по одному было лень, поэтому Стас запрокинул голову и вытряхнул в рот содержимое пачки, запив все это хорошим глотком чая. Покончив с довольно скромным ужином, он влез в спальник и, демонстративно повернувшись к Асе спиной, оставил «родственницу» наедине с ее фантазиями.

Асе же спать абсолютно не хотелось. Буквально заставив себя съесть галеты, она сидела, обхватив кружку обеими руками. Кружка была невысокой, округлой, умиротворяюще теплой, Асе казалось, что если она выпьет чаю, это тепло исчезнет и сразу станет холодно. И страшно. Хотя скоро ей все равно стало страшно. Вопреки уверениям синоптиков, за окном разыгралась настоящая буря. Деревья стучали промерзшими сучьями по стенам, будто умоляя пустить их согреться, ветер выл и швырял в окна пригоршни снега. А еще наверху, прямо над головой, кто-то ходил, и шаги эти, медленные и тяжелые, заставляли сердце сжиматься от страха. Не выдержав, Ася потрясла Стаса за плечо.

– А? Что? – вскинулся он спросонья и, разглядев напуганную Асину физиономию, недовольно проворчал: – Ну что тебе еще?

– Шаги! Слышишь? Наверху кто-то ходит!

– Кто-то ходит! – передразнил ее Стас. – Да бабка тутошняя и ходит. Ты что, думала, она в деревню почесала в одном платишке и без валенок? Да? Тут небось рядом черный ход, она по нему и прошла в дом, а тебе, дурочке, лапши на уши навешала, чтобы ты сидела смирно и не рыпалась, по дому не шарилась. Все. Я спать, а ты как знаешь. До рассвета всего ничего осталось. В шесть подъем, завтрак – и вперед заре навстречу. Ты забыла, что у нас на кону? – И он снова повернулся к Асе спиной.

Однако Асино беспокойство все-таки передалось ему. Бормоча под нос что-то вроде «с кем поведешься», он вылез из спальника, забаррикадировал закрытую дверь с помощью оттоманки, вешалки и столика и с чувством выполненного долга улегся на место.

Ася тоже легла, закрыла глаза, но сон не шел. Тяжелая, размеренная поступь никак не вязалась в ее представлении с легкими, скользящими шажками хозяйки. Та, казалось, вообще не касалась ногами земли, а этот кто-то мерил комнату у них над головой тяжеленными шагами, будто не человек это был вовсе, а статуя Командора, явившаяся на званый ужин. Потом наверху скрипнуло то ли кресло, то ли диван, и шаги прекратились. Ася со страхом вслушивалась в

звуки дома, но они, если и были, заглушались бесчинством пурги за окном, и страх потихоньку ослаб, уступая место сну.

– Может, хватит спать, принцесса в спальном мешке? – сквозь сон донесся до Аси голос Стаса.

Она открыла глаза, зябко потянулась. В комнате было темно – свечи догорели и погасли.

– Пора? – спросила Ася.

– Пора, пора, – проворчал Стас. – Ну ты и спишь! Наверное, можно из пушки палить – не разбудишь! Уже с полчаса хожу, баррикаду разобрал, дверь откопал – знаешь, сколько за ночь снега намело! Завтрак накрыл, а ты все дрыхнешь.

Возле Асиного спальника и впрямь стояла чашка, накрытая, как и вечером, двумя галетинами.

Ей хотелось попросить Стаса не класть так печенье, но не было никакого желания нарываться на очередные колкости. Однако Стас почувствовал ее настроение, хотя истолковал его по-своему.

– Не куксись, у меня уже у самого эти галеты во где стоят, – он провел большим пальцем поперек горла. – Через два часа будем готовить обед. Примус запалим, кашки сварим. Будешь кашку?

– А где можно умыться? – не поддержала тему она.

– Извините, – Стас в шутовской манере раскланялся, – удобства у нас нонче во дворе. Умываемся снежком.

Ноги, руки, спина – все тело ныло от усталости и молило об отдыхе. Ася с трудом добралась до входной двери, открыла ее и ахнула. За порогом расстилалось искрящееся покрывало, окрашенное восходящим солнцем в розовый цвет. Воздух, сухой и морозный, был таким свежим, что его хотелось пить вместо наверняка уже остывшего чая с галетами.

Наскоро умывшись и позавтракав, они отправились в дорогу. Оказалось, что дом, в котором они ночевали, обнесен забором с широкими воротами, которые почему-то оказались открытыми. С левой стороны на заборе висела табличка с лаконичной надписью: «Продается» и номером мобильного телефона.

– Интересно, сколько стоит такой дом? – спросил Стас.

Асе интересно не было, и она лишь пожалала плечами. Но Стас, который после возвращения домой твердо решил заняться улучшением своих жилищных условий, вытащил мобильный и занес номер в телефонную книгу.

– Вдруг пригодится, – прокомментировал он свои действия.

Ася обернулась и посмотрела на дом. Окна первого этажа были забраны ролетами, отчего казалось, что дом крепко спит. «Как-то нехорошо уходить вот так, молча, не попрощавшись, не поблагодарив за ночлег», – подумала она, и в этот момент внимание ее привлекло какое-то движение в окне второго этажа. Неясная тень мелькнула и скрылась за тяжелыми портьерами. Хозяйка? И, стянув перчатку, Ася помахала рукой, прощаясь с домом и его обитателями.

Прошло три года.

Глава 1

Кристина выделила с помощью мышки столбик цифр и перенесла его в таблицу. Сформировала данные за аналогичный период прошлого года и добавила в соседнюю графу. Так, теперь построим диаграмму. Умная программа тут же выдала график с двумя карабкающимися вверх кривыми, изображающими увеличение доходов от продажи немецкого линолеума. Внешне график выглядел очень даже оптимистично – продажи росли. Доходность, соответственно, тоже. Но врожденное внутреннее чутье, заостренное за годы работы в компании «Апогей», владеющей сетью строительных супермаркетов, подсказывало, что не все так хорошо, как на картинке.

Войдя в справочную базу фирмы, Кристина нашла координаты представителя, через которого осуществлялись поставки линолеума. Недовольно поморщилась – уж больно хорош поставщик, с выгодными условиями, отличной репутацией, достойной рекламной поддержкой. Ссориться не стоит, но попробовать можно.

– Илья, здравствуйте. Компания «Апогей», финансовый директор, – представилась она и мысленно нарисовала портрет этого самого Ильи: щуплый, низкорослый брюнет с потными ладонями.

– Здравствуй, Кристина Сергеевна, – ответил невидимый Илья, и нарисованный Кристиной образ мгновенно подрос на несколько сантиметров – ведь она не назвала свое имя, и то, что менеджер фирмы-поставщика, который лично с ней общается первый раз, его знает, было большим плюсом в его пользу. Чувствуя, что градус боевого накала спадает, Кристина перешла в наступление:

– Меня беспокоит снижение доходности линолеума.

Она нарочно не стала сразу раскрывать карты, чтобы дать собеседнику возможность выдвинуть свои версии происходящего.

– М-да, – немного замявшись, ответил он, – знаете, это не только вас беспокоит. Такая тенденция наблюдается по всей отрасли в целом... Мировой экономический кризис...

Он пустился в разглагольствования по поводу удорожания сырья, проблем на таможне, даже забастовки в Греции и беспорядки в Лондоне упомянул. Говорил грамотно, убедительно. Но через тридцать одну минуту совещание у Мальчика, поэтому надо было закругляться.

– Это понятно, – остановила собеседника Кристина, – только я учла упомянутые вами факторы, и все равно остается небольшой зазор.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что наш менеджер, Сергей Смагин, через которого вы поставляете товар, сидит у вас на откате. Он лоббирует у руководства преимущество в поставках от вашей фирмы, добивается наиболее выгодного размещения вашего товара на наших площадях... Мне продолжать?

– Вы ошибаетесь, Кристина Сергеевна, – возразил Илья. Твердо, но чуть быстрее, чем если бы она действительно ошибалась.

– Будем надеяться, что ваши слова соответствуют действительности, и все же мне хотелось бы, чтобы вы изыскали возможность пересмотреть условия работы с нашей фирмой. Год заканчивается, но новый договор мы пока не заключали; хотелось бы в будущем году иметь более серьезную скидку. Сейчас она составляет, если мне не изменяет память, пятнадцать процентов, – Кристина лукавила – условия договора были у нее перед глазами, в той самой базе, где она нашла телефон Ильи.

– Да, – подтвердил тот.

– Так вот, мне хотелось бы, чтобы с нового года скидка была не меньше восемнадцати процентов.

– Но это невозможно! – бурно запротестовал Илья. – У вас и так самые выгодные условия в регионе.

– В регионе? – возмущенно фыркнула Кристина и припечатала: – У нас должны быть просто лучшие условия. Мы – фирма «Апогей», а не какой-то задрипаный магазинишко в спальном районе. Не хотелось бы менять поставщика – нас вполне устраивает сотрудничество с вами, но рынок диктует свои условия. Сами понимаете, если мы не будем к нему прислушиваться... – она сделала многозначительную паузу, а потом добавила: – До свиданья, Илья.

– До свиданья, Кристина Сергеевна.

Она не нажала на отбой и услышала его слова, не предназначенные для ее ушей:

– Стерва!

Да. Стерва. Вот уже пять лет она старательно культивирует в себе этот образ. Конечно, бабушкино воспитание в этом деле плохое подспорье. Но она справится. Не может не справиться. Мягкому, душевному человеку нет места в мире, где она строит свою карьеру. Сметут, затопчут, проглотят и имени не спросят. Насчет восемнадцати процентов, конечно, явный перебор, но если удастся заставить их подвинуться хотя бы на один, при сохранении имеющихся тенденций в продажах это даст дополнительный доход, – пальцы пробежались по клавишам калькулятора, – триста двадцать тысяч долларов за год! Нехило!

Кристина снова бросила взгляд на часы: до совещания – двадцать восемь минут. Вполне можно успеть перекусить. Если не поест сейчас, то в супермаркет после работы лучше не заходить. В голодном состоянии она скупит полмагазина, потом все это съест и до поздней ночи будет терзаться раскаянием и обещать себе с понедельника начать новую жизнь. Вот только времени в обрез. Обычно обедает она в маленьком кафе в двух кварталах от офиса, с почти домашней кухней без новомодных наворотов. Но сейчас времени остается только на пару булочек из супермаркета напротив. Еще лучше кого-нибудь за ними послать, а самой пока заварить чай.

Прозвище «Мальчик» пришло в голову Кристине, когда она впервые увидела будущего шефа на собеседовании. Директор (он же владелец) компании «Апогей» Кирилл Петрович Симбирский представлялся ей brutальным мужчиной с седыми висками. Вместо этого за директорским столом в несоразмерно большом кресле (из натуральной кожи питона, как потом узнала Кристина) буквально утопал молодой человек. «Да он совсем ребенок, мальчик», – подумала Кристина, глядя на потенциального босса: небольшие карие глаза, маленький аккуратный нос, трогательно прозрачные мочки ушей и пепельная челка. Уже позднее, в процессе работы, она смогла разглядеть за этой мальчишеской внешностью силу и уверенное спокойствие взрослого мужчины. Ощущение детскости исчезло, а прозвище осталось. Впрочем, было оно сугубо сокровенным, тщательно пряталось в глубинах Кристинино сознания и вслух никогда не произносилось.

Как-то, уже на четвертом году работы в «Апогее», во время корпоративной вечеринки Кристина, будучи слегка навеселе, заявила боссу, что кресло, как бы это поудачнее выразиться, ему не совсем к лицу. Кирилл Петрович резонно возразил, что кресло стоимостью сорок пять тысяч долларов украсит любое лицо. На том и порешили.

Симбирский обожал изучать и применять на практике передовой опыт развитых стран. Он долго колебался между американской и немецкой идеологией бизнес-менеджера высшего звена, но так и не смог определиться окончательно. Поэтому в его личности в разные моменты преобладал то белозубо-улыбчивый америкэн бой, то практиш гут с возведенным в абсолют принципом «арбайтен унд дисциплинен».

Вся фирма знала: если Кирилл Петрович с утра улыбается, узел галстука демократически расслаблен – сегодня победила американская модель. Босс вежлив, доброжелателен, снисходителен к маленьким слабостям сотрудников и даже может невзначай подкинуть премию за вовремя высказанную идею. Но в такие дни лучше не жаловаться на здоровье и семейно-лич-

ные неприятности. Компании нужны здоровые люди без проблем. Если же с утра босс сосредоточен, между бровями пролегла глубокая борозда – следует забыть об опозданиях, перекурах, трепе по телефону и аське.

Кирилл Петрович даже ругался не по-русски. Не опускаясь до трехэтажных маргинальных выражений, в критические моменты он ронял непривычные простому уху слова «шит» и «шайсе». Однако интонация, с которой они произносились, не позволяла сомневаться в их значении.

Конечно, Симбирский не смог бы стать тем, кем стал, применяя он забугорный опыт однозначно и бесповоротно. Были и исключения; например, он называл всех по имени-отчеству. Кристине сначала не нравилось такое обращение – казалось, отчество сразу добавляет лет десять, делает ее этакой солидной тетенькой. А потом привыкла.

Жизнь «Апогея» напоминала Кристине симфонию со сложным, но очень гармоничным внутренним строением. Иногда Мальчик пытался добавить в нее немного восточного колорита. Именно в один из таких периодов он заказал известному композитору гимн фирмы. Композитор деньги, причем немалые, получил не зря – гимн в исполнении муниципального оркестра впечатлял. Первые же ноты, призывно-пронзительные, как крик муэдзина с минарета, вызывали горячее желание отдать ради процветания «Апогея» все, что нажито непосильным трудом, а если понадобится – и жизнь. Симбирцеву хотелось, чтобы каждое утро, перед тем как приступить к работе, сотрудники исполняли этот самый гимн. Партитура оказалась довольно сложной, и Кирилл Петрович пригласил для организации ее массового изучения бывшего церковного регента.

Однако то ли регент был недостаточно опытен, то ли некоторые несознательные сотрудники специально фальшивили, дискредитируя замечательную идею шефа, но нововведение не прижилось. Гимн в записи проигрывали перед собраниями коллектива, а гонорар композитора и регента Кристина отнесла к статье, которую про себя именовала игрушками Мальчика. Туда же списывались затраты на ультрамодные мобильные телефоны, компьютеры, ноутбуки, планшеты... И на людей. Сотрудников, которых он принимал на работу с только ему известной целью, на астрономические зарплаты, а потом в одночасье увольнял.

Кристина выглянула в приемную: как по закону бутерброда, который всегда падает исключительно маслом вниз, – никого, кроме последней Мальчиковой игрушки, здорового мужика лет тридцати пяти по фамилии Рыбак, чья роль в фирме не была известна никому, даже всеведущему менеджеру по персоналу. Несмотря на то что Рыбак сосредоточенно елозил по столу мышкой, Кристина готова была биться об заклад, что на мониторе сейчас какой-нибудь банальный пасьянс, на худой конец, «Сапер» или «Морской бой».

Да, этого явно не пошлешь. Она как-то попыталась, попросила купить что-нибудь к чаю. При этом имела в виду что-то вроде булочек. Так этот Рыбак принес бутерброды с колбасой. Это же надо было додуматься! Колбаса была вкусной, свежей, но ведь хотелось же чего-нибудь к чаю! Конечно, бутерброды тоже сгодились, но все-таки... Лучше сходить самой. Кристина бросила взгляд на часы: процесс принятия решения занял две минуты, до совещания осталось двадцать шесть. Опаздывать нельзя – Мальчик на этой неделе отдает предпочтение немецкой системе управления. Телефон лучше не брать: разговаривать – только время терять, лучше потом перезвонить по неотвеченным вызовам.

– Кристина Сергеевна? – Рыбак вопросительно привстал, ожидая от нее распоряжений. Ясное дело, готов бежать хоть на край света, лишь бы подальше от этой офисной тоски. Ну нет, такого удовольствия она ему не доставит! Буркнув:

– Я сейчас, – она выскользнула из приемной.

На улице валил снег. Уже многократно проверено: во время таких обильных снегопадов активность покупателей резко снижается, товароборот падает, а вместе с ним и настроение босса. Наверняка он сейчас, перед совещанием, просматривает данные по магазинам и недо-

вольно хмурится. Рассказать ему, что ли, о Смагине, немецком линолеуме и попытке выбить более высокую скидку? Пожалуй, не стоит. Вопрос еще окончательно не решен, вдруг руководство поставщика взъерепенится?

Кристина почувствовала, как ее левая нога резко скользнула вперед. Она взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но в следующее мгновение оказалась на тротуаре. Вокруг моментально собралась кучка зевак.

Какой-то мужчина подхватил ее за подмышки, помогая подняться. При этом ногу пронзила резкая боль. Кристина прикусила губу, чтобы не заорать во весь голос; несмотря на мороз, ее бросило в жар.

– Не надо, не трогайте меня. Я сейчас... немножко полежу... и пойду...

– Вызовите «Скорую»! – оглушительно крикнул кто-то над самым ее ухом.

– Не надо... «Скорую»... – она попыталась встать. Казалось, на ногу плеснули кипятку.

Кристина вскрикнула и осела на снег. От резкой боли она уже ничего не соображала. «Скорая» приехала на удивление быстро. Кристину уложили на носилки, врач – мужчина средних лет и средней небритости – сделал укол прямо через брюки. Боль не уменьшилась, но Кристине стало на нее наплевать. И на Мальчика. И на совещание. Она лежала на носилках, чувствуя, как врач приматывает что-то к ее ноге, и смотрела на парящие в небе огромные хлопья снега, похожие на сказочных птиц. «Надо же, как красиво!» – подумала она и закрыла глаза.

А потом Кристина увидела женщину в темно-синем байковом халате. Она рассматривала рентгеновский снимок, еще мокрый и от этого блестящий в свете лампы так сильно, что хотелось зажмуриться.

– Перелом очень сложный, – сказала женщина. – Сейчас мы вам ножку вправим под общим наркозом, наложим гипс, утром сделаем контрольный снимочек, и, если все будет хорошо, пойдете домой.

Введенное врачом «Скорой» лекарство уже переставало действовать, боль возвращалась, пульсируя в сломанной ноге и таща за собой отложенные на время проблемы.

– Но мне завтра на работу! – воскликнула Кристина.

– Не волнуйтесь, – женщина доверительно положила ей руку на плечо, – вам дадут больничный. Все будет хорошо!

«Да не в больничном счастье», – хотела возразить Кристина, но промолчала. У них с этой женщиной абсолютно разный менталитет, и объяснять, что она, Кристина, просто не может жить без работы, компьютера и столбиков цифр, подобно наркоману, не мыслящему себя без дозы, бесполезно.

– А у вас есть одноместные палаты? Я заплачу.

Женщина устало вздохнула.

– Это вы в отделении спросите и заплатите, – ответила она.

– А я где?

– В приемном покое.

Покою не хотелось. Хотелось действия, движения и чтобы, в конце концов, поскорее наложили дурацкий гипс.

С помощью кошелька одноместная палата в отделении нашлась. Предназначенная для ветеранов войны и труда. «Кочка героя» – так назвала ее смешливая медсестра по имени Марина. Она же приволокла откуда-то пару жуткого вида костылей и указала направление, в котором находился туалет.

– На ногу не наступайте, постарайтесь не падать и гипс одеялом не накрывайте, – проинструктировала она и убежала.

Едва за ней закрылась дверь, как Кристину охватил приступ самой настоящей паники. Что же теперь делать? Она лежит здесь, совсем одна, со сломанной ногой, без мобильного

телефона. Ей даже стакан воды некому налить, не говоря уж о дружеской поддержке. Вот она – оборотная сторона удачной карьеры!

Впрочем, проблема пресловутого стакана воды решилась почти сразу. В дверь заглянула полная румяная женщина пенсионного возраста в зеленом костюме с эмблемой лекарства от простуды на нагрудном кармане.

– Полина Иосифовна, – отрекомендовалась она и застыла на пороге, вопросительно глядя на Кристину.

– Вы не могли бы... – начала Кристина и сама удивилась, как жалобно это у нее получилось. Нет, так не годится. Откашлялась и более твердо сказала: – Вы не могли бы принести мне что-нибудь поесть?

Она достала кошелек, вытащила из него пару купюр и по отдельности дала их Полине:

– Это на продукты, а это вам.

Та заулыбалась:

– Конечно, я мигом.

Вернулась она действительно очень быстро, принесла пакет кефира, стакан горячего чая и аппетитно пахнущие пирожки.

Кристина попыталась сесть. Движение отозвалось такой резкой болью в сломанной ноге, что она не сдержалась и застонала.

– Болит? – в голосе Полины звучало неподдельное сочувствие.

Кристина кивнула и закусила губу.

– А ты не расстраивайся, я сейчас Маринку позову, она тебе укол сделает, и все пройдет. И если что, зови, не стесняйся.

– А где у вас тут кнопка вызова? – Кристина пошарила взглядом по стерильно белым стенам.

– А нету кнопки. Зачем она нужна? Если что надо – просто покричи. Вот так, – набрав в грудь воздуха, женщина прокричала-пропела низким грудным голосом, который украсил бы любой народный хор: – Полина Иосифовна!

После еды и укола Кристину потянуло в сон. Проснувшись она от страшного грохота, подскочила на кровати, плохо понимая, где находится, и задохнулась от возмущения, более сильного, чем боль в ноге из-за резкого движения. В ее одноместную палату два молодых человека в медицинских костюмах, очевидно будущих фельдшера на практике, пытались запихнуть еще одну кровать с пациенткой – нахохлившейся, бесформенной и укутанной с головой в платок, словно куль.

– Послушайте, – воскликнула Кристина, – это одноместная палата, две кровати тут не поместятся!

– Не сомневайтесь, больная! – возразил один из юных эскулапов. – В этой палате в лучшие времена четыре стояли.

– Я не больная! – бросилась на защиту своего статуса Кристина.

– А чего тогда тут делаете? – резонно поинтересовался фельдшер. – Если здоровая, так идите домой. У нас тут как снегопад, так полно народу, класть некуда. Да вы не волнуйтесь, у деушки всего лишь рука сломана, такие здесь надолго не задерживаются.

Он так и сказал: «у деушки», – отчего Кристине показалось: у деушки. Не хватало еще, чтобы ей, как в незабываемых «Итальянцах в России», подсунули в палату мужика! Эта мысль заставила повнимательнее присмотреться к соседке. Та оказалась женщиной. Вполне молодой, с безвольным лицом – этакое доверчивое, начитанное создание, потенциальная жертва аферистов. Ощущение бесформенности создавала загипсованная правая рука, подвешенная на шею с помощью какой-то конструкции. Женщина, очевидно, сильно мерзла – нижняя челюсть ее дергалась, зубы выбивали степ, левой рукой с посиневшими от холода ногтями она постоянно

пыталась натянуть на плечи платок. Героические усилия не приводили ни к чему – натянутый на одно плечо, платок открывал другое.

– Гипс нельзя накрывать, пока не высохнет, – щегольнула глубокими познаниями в медицине Кристина, когда притащившие кровать практиканты удалились.

– Да, да, конечно, – незнакомка стащила платок, но, видно, передумала, снова натянула его на голову и на левое плечо. Потом абсолютно непоследовательно потянулась за сумочкой, попыталась открыть ее одной рукой. Но закон бутерброда никто не отменял – молнию заело, и женщина принялась лихорадочно дергать бегунок.

«Наверное, она так пытается согреться», – подумала Кристина, искоса наблюдая за соседкой. Иррациональность действий, которая обычно раздражала при общении с сотрудниками, на этот раз вызвала в Кристине что-то похожее на сострадание – чувство, о существовании которого она, общаясь преимущественно с цифрами, успела подзабыть. Надо помочь – Кристина потянулась за костылями, чтобы встать, но ее благие намерения так и остались только намерениями. Молния поддалась, но резкий рывок придал сумке ускорение, и она полетела через всю палату, отмечая свою траекторию высыпающимися предметами. Кошелек, помада, упаковка бумажных платков, мелочь... Последним вывалился мобильный телефон. Встретившись с полом, он развалился на три части, причем одна из них – аккумулятор – полетела под Кристину кровать и громко стукнулась о плинтус. Незнакомка пару секунд, застыв, словно Ниобея, горестно рассматривала созданный ею беспорядок и вдруг разрыдалась. Громко, во весь голос.

Кристина неожиданно почувствовала, как к горлу подступил противный комок.

«Что со мной?» – подумала она, попробовала прокашляться, но комок не отступал, и тогда, чтобы прогнать его, она заорала во всю силу легких:

– Полина Иосифовна! Марина!

Получилось не так красиво, как у Полины, но результат не замедлил сказаться – те появились мгновенно, словно двое из ларца.

– Помогите! – скомандовала Кристина.

Полина бросилась собирать рассыпанное по полу добро рыдающей пациентки, Марина выбежала из палаты и буквально через полминуты вернулась со шприцем.

– Она еще мерзнет, – сообщила Кристина, чувствуя, как с каждым словом противный комок проваливается в желудок.

Теперь из палаты выбежала Полина и вернулась с одеялом.

– Ложись, маленькая моя, – запричитала она, помогая соседке Кристине поудобнее устроиться на кровати. – Вот так, хорошо. Умничка. Вот увидишь, все будет хорошо. Завтра доктор тебя выпишет.

«Все-таки хорошо, что я не одна», – подумала Кристина, глядя на умиротворенное лицо соседки, когда они остались в палате вдвоем.

– Меня зовут Кристина Сергеевна, – представилась она.

– А меня Анастасия.

– Настя?

– Ася, – легкая улыбка преобразила безвольное лицо.

Говорить было не о чем. К тому же Кристина почувствовала, что Ася с трудом балансирует на грани, которая отделяет бодрствующего человека от спящего, и отвечает на вопросы только из вежливости, поэтому отвернулась к стене, чтобы продолжить прерванный сон.

Проснулась Кристина оттого, что кто-то требовательно тряс ее за плечо.

– Да что это за больница такая! – пробормотала она недовольно. – Ни минуты покоя! – Но взглянув в непроглядную тьму за окном, поняла, что проспала довольно долго. Только сообщать об этом нарушителю своего сна не собиралась.

– Температуру надо мерить, – донесся до нее голос Марины.

– Кому надо, тот пусть и меряет, – огрызнулась Кристина.

– Так вам же надо, – медсестра положила градусник на тумбочку возле Кристининой кровати, развернулась на пятках и подошла к кровати Аси. – Там к вам родственники пришли. Вы им скажите, что у нас больных разрешается навещать с шести до восьми. Всех без исключения.

– А я? Можно я к ним выйду? – проямлила Ася и попыталась встать.

– Сначала температура, а потом все остальное, – осадил ее Марина и, неодобрительно покосившись на градусник Кристины, по-прежнему сиротливо лежащий на тумбочке, вышла.

Ася покорно засунула градусник под мышку и застыла в томительном ожидании. Выдержки у нее хватило секунд на тридцать, не больше. Вытащив градусник, она, равнодушно скользнув по нему взглядом, хотела было положить на тумбочку, но, видно, передумала. Вновь посмотрела на градусник, глаза ее расширились, как у папуаса, наблюдающего старт космического корабля. Лицо вытянулось, излишне пухлая нижняя губа стала еще пухлее.

– Что там? – не выдержала Кристина.

– У меня температура... Тридцать восемь и шесть, – испуганно произнесла Ася и протянула градусник Кристине, будто та со своей кровати могла удостовериться в правдивости ее слов.

Никогда не болевшая Кристина имела определенные познания в медицине, почерпнутые из сериала «Доктор Хаус» – единственного сериала, пару сезонов которого она умудрилась посмотреть. Что бы сделал Хаус, имея пациента с таким набором симптомов? Сломанная рука, очень высокая температура... МРТ? КТ головного мозга? Тем временем Ася в изнеможении откинулась на подушку и закрыла глаза. Ее длинные ресницы создавали эффект глубоких теней под глазами. И хотя щеки соседки пылали лихорадочным румянцем, Кристина поняла: положение нешуточное. Поэтому, набрав в грудь побольше воздуха, она завопила:

– Марина!

– Ну что еще? – выражение лица медсестры было не из любезных. – Вы у меня не одни!

– Соседке моей плохо, температура очень высокая. Надо срочно позвать врача.

Медсестра подошла к Асе, дотронулась кончиками пальцев до ее лба.

– Не надо врача. Это у нее вирусное. Сейчас дам парацетамол...

– Какой парацетамол?! Какой вирус?! – возмутилась Кристина. – У нее же рука сломана!

– Вы считаете, что сломанная рука дает иммунитет от вирусных инфекций? – с самодовольной ухмылкой осадил ее Марина.

Крыть было нечем – Марина в медицине разбиралась лучше.

– И вы даже не позовете врача? – на всякий случай уточнила Кристина.

– Он сам придет. После ужина.

«А, ну да, конечно, после ужина. Война – войной, а ужин по распорядку, – подумала Кристина. – Странные тут у них нравы, не то что в Принстон-Плейнсборо¹».

Марина вернулась с таблетками. Очевидно, глядя в несчастное лицо Аси, она решила слегка отступить от больничных правил.

– Хотите, я пропущу ваших родственников?

Ася с благодарностью кивнула.

Родственники Аси, муж и жена, улыбочивые, белозубые, словно с плаката, рекламирующего самую лучшую в мире зубную пасту, в палате для ветеранов войны и труда муниципальной больницы смотрелись не иначе как пришельцами с другой планеты. И никак не хотели укладываться в одну картинку с нервно дергающей бегунок молнии Асей.

Да, тут вопрос стакана воды явно не стоит. Асина тумбочка украсилась батареей разнообразных бутылок и бутылочек, банок и баночек.

– Куда мне столько, – растерянно улыбалась она, – Риточка, Стас!

¹ Вымышленная клиническая больница в г. Принстоне, где работает доктор Хаус.

Глаза ее опять наполнились слезами. Но она быстро взяла себя в руки и, кинув извиняющийся взгляд на соседку, тихо сказала:

– Пойдемте в коридор, а то мы Кристине Сергеевне мешаем.

Она, может быть, ждала, что Кристина вежливо скажет: нет, нет, не мешаете, куда вы с такой температурой, сидите на здоровье, сколько влезет. А может, и не ждала, но Кристина ничего подобного говорить не собиралась. Уж очень говорливыми оказались инопланетные родственнички. Создавалось впечатление, что в палате находится не два человека, а сотня, и что не виделись они года два, а то и больше.

Компания удалилась, а Кристина немного поизучала стену и снова заснула. Когда она пробудилась, Ася уже спала, с головой накрывшись одеялом, а бесконечный зимний день все не собирался кончаться.

Решив немного прогуляться, Кристина села на кровати, опустила ноги и снова ощутила синдром стакана воды, как она про себя назвала ощущение абсолютной беспомощности, с которым столкнулась впервые. Сколько Кристина себя помнила, она всегда была сильной, неуязвимой. А сейчас даже не представляла, как пройти несколько метров, отделявших ее от двери палаты. Хорошо, когда о тебе есть кому позаботиться, – у кровати Аси стояли симпатичные розовые тапочки, отороченные мехом, а у Кристины – сапоги. Пожалуй, лучше пойти босиком. Коснувшиеся пола пальцы свело от холода. «Завтра в палате будет два температурающих больных, – подумала Кристина. – Да ничего, завтра я уже буду дома, и все опять войдет в свою колею. Мне бы только пережить эту ночь». И тут она увидела нечто, отчего страхи и тревоги отступили на второй план. Это была коробочка ее любимых конфет, стоящая на подоконнике. Небольшая, штук на десять, но каких! Нежные белые шарики, посыпанные кокосовой крошкой, с сердечком из миндаля... Кристина очень редко покупала себе такие коробочки. И дело было не в цене. И даже не в том, что, съев одну конфету, она не успокаивалась, пока в коробке не закончится последний шарик, не переставая при этом осознавать, что сладкое удовольствие превышает калорийность ее дневного рациона. Просто как-то уж так сложилось, что конфеты эти покупались в исключительных случаях, в пиковые дни. Например, в день защиты диплома, в день, когда ее приняли на работу в «Апогей», в день, когда вирус уничтожил часть информации в ее рабочем компьютере...

Она понимала, что конфеты чужие, но разве Ася не угостит ее, когда проснется? Во всяком случае, она сама точно бы угостила. Наверное... Не в силах сопротивляться искушению, Кристина встала, опираясь на костыли. Резкая боль полоснула ногу, с непривычки заломили подмышки. Ничего. Она съест конфету... всего одну... и все будет по-прежнему.

Повиснув на костылях, чтобы освободить обе руки, Кристина стремительно вытащила шарик в хрустящей прозрачной обертке и засунула за чашечку бюстгалтера. Предвкушение праздника притупило неприятные ощущения. Пол уже не казался таким холодным, и больничный туалет выглядел вполне пристойно. Вымыв с мылом руки и лицо, Кристина вышла в коридор (ну не есть же конфету в туалете) и молниеносным движением вытащила шарик из обертки. Нежная, послушно-ласковая, ни с чем не сравнимая по вкусу субстанция коснулась языка, кокосовые крошки, чуть грубоватые, но упоительно ароматные, царапнули щеки. Кристина зажмурилась от удовольствия, а через мгновение открыла глаза, чувствуя, как все тело наполняет уверенность: все будет хорошо. И не иначе. Напрасно поискав глазами урну, она сунула бумажку туда же, где недавно покоилась конфета.

– Вы куда-то выходили? – встретил ее встревоженный вопрос соседки.

– Да, – не стала вдаваться в подробности Кристина.

– Вы уж простите моих родных. Нашумели они тут...

– Да ничего, все нормально, – благодушно отмахнулась Кристина, все еще находясь под магическим влиянием конфеты.

– Мы ведь с ними почти три года не виделись.

«Надо же, – подумала Кристина, – я так и решила, что долго. Сейчас еще окажется, что они только прилетели с какой-нибудь альфы Центавра».

– Они только вчера прилетели из Америки... Из Нью-Йорка, – подтверждая ее мысли, сказала Ася.

«Ну, это почти одно и то же». Фантик неприятно колот грудь, и Кристина, поморщившись, осторожно, чтобы не видела соседка, достала его и сунула под подушку. Однако чувство дискомфорта в груди не исчезло.

– Смотрите, сколько всего принесли, угощайтесь, – Ася приглашающим жестом указала на бутыльно-баночное изобилие.

Отказываться было бы глупо. Кристина попыталась встать и вдруг почувствовала, что задыхается. Еще через мгновение земля ушла из-под ног, а тишину палаты пронзил чей-то резкий крик.

«Как иерихонская труба», – подумала Кристина. Это бабушка так ее называла: ты моя иерихонская труба. А Кристина недоумевала – почему труба? Из-за роста? И представляла себя заводской трубой, той, которую видно из окна спальни. На праздники – День Победы и 1-е Мая – к ней прикрепляли флаг... А бабушка... И тут Кристина увидела бабушку. С аккуратной стрижкой, в своем любимом платье, она улыбалась. Только бабушка могла так улыбаться – она сияла, затопляя этим сиянием весь окружающий мир.

«Боже!» – Она протянула руки, чтобы заключить внучку в свои объятия.

С помощью этого самого «Боже» бабушка, подобно героине Ильфа и Петрова, выражала весь спектр своих эмоций.

«Накажет тебя Господь за то, что поминаешь имя Его всуе, – постоянно одергивала ее баба Маша, соседка по лестничной клетке, – найдет смерть лютую».

Но Бог, судя по всему, бабушку любил. И смерть ей послал добрую. Кристине всегда хотелось умереть именно так: подстричься накануне у любимого мастера, надеть любимое платье с вологодскими кружевами (настоящая классика никогда не выйдет из моды), туфли (обязательно на каблучке не меньше четырех сантиметров), поставить на допотопный проигрыватель виниловую пластинку (альбом «Битлз»), сесть в кресло и со спокойной улыбкой на губах отчалить на ладье Харона в последнее путешествие.

Бабушка вдруг исчезла, и Кристина увидела море. Почему море, ведь сейчас зима? Когда-то в детстве бабушка приучила ее каждое летнее утро начинать с купания в море. Эта привычка со временем стала единственной отдушиной в ее мире, сосредоточенном вокруг рабочего стола и компьютера, чем-то вроде воздушного кармана на идущем ко дну судне, который помогает выжить попавшим в кораблекрушение.

Аккуратно сложив на пирсе одежду, Кристина поежилась от свежего утреннего бриза и подошла к ведущему в воду металлическому трапу. Ступенька... вторая... третья... Вперед! Тело мгновенно напрягается и тут же будто растворяется в воде. И уже нет ее, Кристины, а только эта теплая, бархатистая на ощупь вода, окрашенная восходящим солнцем в опалово-карминный цвет. Кристина набирает полные пригоршни этого сияющего великолепия. Вода лениво, будто нехотя, стекает по запястьям, ручейками просачивается между пальцев, а в ладонях остается бодрость, уверенность и радость – драгоценный подарок моря.

«Завидую я тебе, Кристинка, – сказала как-то соседка, – я вот никак не выкрою времени, чтобы сходить на море!»

Конечно, можно поспорить, рассказать, что при желании время выкроится всегда. Но спорить не хотелось – уж слишком ясно слышался в ее словах неприкрытый подтекст: конечно, ни семьи, ни детей. Можно плавать в свое удовольствие сколько хочешь...

Когда-то Кристина, может, и хотела завести семью и детей, но, похоже, желание это не было взаимным. В народе подобное невезение называют венцом безбрачия, но Кристина считала, что, скорее, дело в изначально завышенной планке.

«Падать – так с коня вороного» – так любила говорить бабушка, и Кристина ждала своего вороного, отмечая все прочие масти. И однажды дождалась. Талантливого музыканта с волосами цвета воронова крыла до плеч и глазами, напоминающими предгрозовое небо. Кристина увидела его впервые здесь же, в парке, летним воскресным днем.

Она тогда заканчивала институт и, засидевшись допоздна над дипломом, смогла выбраться на море позже, чем обычно. Когда оно уже пахнет шашлыками, а его размеренное дыхание заглушают звуки музыки, несущиеся из ресторанчиков, подобно ласточкиным гнездам облепивших берег. Все эти неотъемлемые атрибуты курортного сезона раздражали, но Кристина принимала их как должное – не бороться же с ветряными мельницами. Ну, подумаешь, вместо СПА-салона по ошибке забрела в душевую в студенческой общаге. Сама виновата – в следующий раз надо спать поменьше.

Рассуждая так, Кристина дошла по центральной аллее парка почти до самого моря и вдруг услышала звуки, до такой степени не вяжущиеся в ее понятии с окружающим пейзажем, что она даже притормозила, а потом и вовсе остановилась, вслушиваясь в тягуче-пульсирующий ритм. Музыкантов было двое. Пианист на синтезаторе, подключенном к аккумулятору стоящей неподалеку «Волги», и саксофонист играли танго. В какой-то момент пианист оторвал взгляд от клавиш и, бросив на застывшую Кристину насмешливый взгляд, кивнул на раскрытый кофр, в котором ветер пересчитывал мелкие купюры. Денег с собой не было, и, опустив глаза, Кристина побрела дальше, жадно вслушиваясь в догонявшие ее звуки. Ритм ускорился, было в нем что-то интимное, предназначенное только для двоих, и казалось невероятным, что такое может происходить днем, в парке, где полно народу. Однако люди вокруг вели себя так, будто ничего из ряда вон выходящего не происходило, и только Кристина с трудом переставляла ноги, пытаясь справиться с охватившим ее волнением.

Когда она возвращалась, музыканты играли знаменитую джазовую композицию Пола Дезмонда «Take five». Кристина остановилась. Длинноволосый пианист, увидев ее, улыбнулся, словно старой знакомой, и она поняла, что это и есть тот самый конь...

Все произошло тут же, на пляже, через неделю, поздним вечером. Кусали комары, крупная галка больно впивалась в спину, но это были мелочи. Главное – она наконец-то встретила своего принца, самого-самого, единственного, который на всю жизнь. У него даже имя было самое что ни на есть королевское – Артур. Они встречались все лето, каждый вечер, и, глядя на августовские Персеиды, прошивавшие небо серебряными сполохами, Кристина грезилась о черноволосом малютке с темно-синими, как у отца, глазами.

А через два дня рядом с музыкантами она увидела девушку. Стройная, дочерна загорелая, в белоснежном платье, больше похожем на майку, и торчащими в разные стороны дредами, она напоминала принцессу из африканской страны. Независимую и свободную от предрассудков. При виде Кристины Артур скорчил мученическую гримасу, и она поняла, что лучше сейчас к нему не подходить.

– Моя прискакала, – недовольно морщась, пояснил он позже на ее немой вопрос. – Почувствовала что-то, видно. Морса принесла, – он кивнул на бутылку, укрытую от солнечных лучей слегка подвяленными жарой лопухами.

– Кто – твоя?

– Не тупи, Кристина, ты все поняла.

Да. Она все поняла. Поняла, что лето кончилось, что она стала взрослой и что больше ничего не будет. Вот только как объяснить это второй Кристине, маленькой глупой девочке, которая плакала внутри нее, не давала заснуть по ночам, постоянно вызывая в памяти прикосновение сильных рук? Шли дни, а она никак не хотела успокаиваться, и тогда Кристина-большая выстроила внутри себя кладовку с толстыми стенами и мощной дверью.

«Больше никаких коней!» – пообещала она Кристине-маленькой, затолкала ее в кладовку и заперла дверь на замок.

Защита диплома и последующие поиски работы послужили амортизатором, смягчившим удар, но его отголоски еще долго бередили сознание Кристины, заставляя делать странные вещи. Например, однажды она сменила косу на дреды.

«Боже!» – только и смогла промолвить бабушка.

А потом как-то само собой получилось, что Кристина с головой ушла в работу. Она полностью оторвалась от обычной жизни, сведя на нет отношения со школьными подругами, но никогда об этом не жалела. Ей была интересна сама работа, а не ее результат. Не было каких-то планов – купить квартиру, поехать в отпуск в дальние страны. Ее любовь к работе стала болезнью, сродни алкоголизму. Как у алкоголика во время употребления спиртного, в процессе работы мозг ее вырабатывал гормоны счастья. Как алкоголик, она испытывала болезненные ощущения в дни, когда не могла работать. Например, в выходные. И тогда она стала приходить на работу по выходным, вызывая одобрение начальства и ропот подчиненных. Но она не обращала внимания ни на то, ни на другое. Работа спасала от жизненных реалий, давала уверенность в себе.

А семья... Ведь если рассудить здраво, что на самом деле есть семья, как не завалированное рабство, когда человек вынужден делать то, чего ему сейчас делать абсолютно не хочется? Что такого особого может ей дать семья, чего она не в силах сделать для себя сама? Все тот же стакан воды? Она в состоянии заработать денег и, если заболит, нанять человека, который будет за ней ухаживать и молить Бога, чтобы она жила как можно дольше и продолжала нуждаться в его услугах, а не вздыхать и думать про себя: «Когда же черт возьмет тебя!»

– Светлова, вы меня слышите? – донесся до Кристины мужской голос.

Ее уже давно никто не называл по фамилии – Светлова, все больше по имени-отчеству. На работе только менеджер по персоналу, Людмила, зовет ее просто Кристиной, и то кулуарно, чтобы никто не услышал. А по фамилии? Она попробовала ответить, но не смогла. Горло горело, на грудь будто положили бетонную плиту. С трудом открыв глаза, Кристина постаралась осмотреться. Вроде нет никакой плиты.

– Слышу, – прошелестела она.

Над ней склонилась фигура в маске, зеленом медицинском костюме и такой же шапочке.

Мужчина. Хотя почему она решила, что это мужчина? Вместо лица – сплошная белая полоса. Просто человек-невидимка какой-то. По голосу, что ли?

– Как самочувствие, Светлова? – спросил он искусственно-бодрым голосом.

– Больно, – ответила Кристина.

– Это ничего, – заверил ее врач, – сейчас мы сделаем укольчик...

Почему она решила, что это врач? Потому что ей хочется, чтобы в этой дурацкой больнице хоть кто-нибудь наконец-то занялся ее лечением?

Голова кружилась, и чтобы как-то остановить беспокойно вращающийся мир, Кристина попыталась сесть.

– Не надо двигаться! – врач сделал предупреждающий жест. – Вы были в очень тяжелом состоянии... остановка сердца... нам пришлось...

– Что? Это еще как? – перебила его Кристина. Слова давались с трудом, мысли разбежались, словно застигнутые врасплох тараканы. Ей, деловой и самостоятельной женщине, вдруг сделалось безумно страшно. Как никогда. А еще хотелось отделаться от этого страха, выплеснуть его на кого-нибудь. Хоть на этого самого доктора с лицом человека-невидимки.

– До вашей больницы я была абсолютно здоровым человеком! Слышите меня? Абсолютно! Да я в суд на вас подам! – собрав в кулак все силы, закричала она.

Голос врача сразу стал холодным и чужим.

– Это сколько угодно, – он сделал шаг в сторону и пропал из Кристиного поля зрения.

– Зря вы так, Светлова, – раздался женский голос справа от нее. Кристина повела глазами и увидела Марину. – Доктор вам, можно сказать, жизнь спас. Когда мы на крик вашей соседки прибежали, у вас уже пульса не было.

– Как это не было?! Куда же он, по-вашему, делся?

Говорить было больно и трудно, а еще безумно хотелось спать.

– Это вы завтра у доктора спросите.

Слова медсестры Кристина услышала уже сквозь сон.

Глава 2

Разыгравшаяся к ночи метель все бросала и бросала в стекло пригоршни снега. За окном стыли обнаженные тополя с нанизанными на хрупкие ветки шарами омелы. Сизо-серое неприветливое небо опустилось так низко, что казалось нахлобученным на крышу больницы. Стекло превратилось в ледяную глыбу, от окна безбожно дуло. Ася продрогла насквозь, но не могла заставить себя вернуться в постель. Вот как, значит, умирают люди. Совершенно здоровая, молодая, красивая женщина, такая энергичная – раз, и нет человека. Как будто кто-то наверху, кто распоряжается людскими судьбами, одним росчерком пера исключил ее из списков живых.

«А ведь это должна была быть я, – подумала Ася и сама испугалась этой мысли. – Но почему я? Почему? – Ответ не заставил себя ждать. – Та женщина в черном, хозяйка дома. Она сказала, если я переночую под его крышей, то не проживу больше трех лет. Тогда это казалось нелепостью. А сейчас до конца третьего года осталось восемнадцать дней. А вдруг это вовсе не нелепица, вдруг смерть на самом деле приходила за мной, но в последний момент передумала... Или перепутала... Ошиблась? Разве может ошибиться смерть? А ведь еще совсем недавно, утром...»

Ритин звонок. Такой долгожданный, такой неожиданный. Приехали! Через час будут! А у нее даже нет приличной заварки, и кофе только растворимый. Стас наверняка с порога запросит чаю! Застегивая сапоги, Ася пыталась мысленно составить список покупок, но, как назло, в голову ничего не лезло. На ходу надевая пальто, она выбежала из подъезда и вдруг замерла, зачарованная красотой зимнего утра. Выпавший за ночь снег еще не расчертили колеса машин, и он сиял первозданной белизной. А сосульки на крыше соседнего дома, позаимствовавшие у солнца нежно-розовый оттенок, напоминали мраморные колонны сказочного дворца. Здорово! Не в силах отвести взгляд от такой красоты, Ася завернула за угол и влилась в толпу спешащих людей. Они не замечали красоты сосуллек, скорее, им было не до нее, и бредущая с открытым ртом женщина невольно создавала затор, вызывая глухое раздражение. Когда до магазина остались считанные шаги, Ася почувствовала резкий толчок, а следом за ним рвущий душу крик: «Осторожно!» Сосульки угрожающе наклонились, а в следующее мгновение она увидела летящий на нее «КамАЗ». В привычные звуки города диссонансом ворвался скрежет тормозов. Защищаясь от надвигающейся громады, Ася зажмурила глаза и инстинктивно выставила вперед руку. Последнее, что она запомнила, падая на заботливо очищенный дворниками от наледи тротуар, – обломок сосульки. Серый и мертвый. Совсем не похожий на мраморную колонну сказочного дворца...

Когда Ася пришла в себя, она никак не могла поверить, что у нее всего лишь сломана рука. Окружающий мир казался призрачным сном, а потом в него ворвалась молодая, очень красивая женщина с яркими карими глазами и каштановыми волосами, подстриженными «каре». Сидя на кровати, женщина что-то сердито говорила и выглядела такой земной, что у Аси не осталось никаких сомнений – она жива. А еще хотелось зажмуриться и выставить вперед руку. Чтобы избежать столкновения. А потом открыть глаза и снова очутиться в каком-то другом мире. И вот теперь, похоже, ее желание сбылось – она одна. Вот только радости, какая обычно сопутствует свершившемуся желанию, нет. Лишь холод одиночества. Ася не боится одиночества; мутное, мрачное, холодное, оно – ее стихия, ее среда обитания. Но сейчас одиночество отравлено страхом. Страхом за Кристину. Неужели она...

Асе срочно захотелось с кем-то поговорить. Хотя бы с Ритой. Рита наверняка успокоит ее, посмеется над дурацкими страхами. Ася потянулась за мобильником и попыталась набрать номер сестры. Напрасный труд – телефон не работал. Странно. Раньше за ним такого не водилось. Вспомнилась тщетная попытка открыть сумку, вызвавшая извержение ее содержимого на пол, развалившийся на части телефон, отскочивший под кровать соседки аккумулятор. Вот

телефон и молчит. Ася включила бра над кроватью, сползла на пол. Конечно, вон он, аккумулятор, лежит себе преспокойно. Вроде бы совсем рядом, а не достать – все попытки принесли только боль в потревоженной руке. Однако холод пола слегка отрезвил. Ну с чего она вдруг решила, что соседка умерла? Наверняка все будет хорошо. Надо только верить.

Ася поднялась с пола, легла на кровать, выключила свет, и страхи снова атаковали ее. Врач, который прибежал на ее крик, похоже, сильно испугался. Но не растерялся. Сразу стал делать Кристине массаж сердца. Если помощь оказана своевременно... И все-таки...

Как же достать аккумулятор? Не звать же санитарку – Ася вспомнила подернутые поволокой усталости глаза Полины Иосифовны. Снова сползла на пол и почувствовала отрезвляющее действие холодного линолеума. «Не буду ложиться на кровать», – решила она и, стащив одеяло, села, опершись спиной о батарею центрального отопления. Не очень удобно, зато тепло и мысли дурные в голову не лезут. Но, видно, сегодня был не Асин день. На смену переживаниям за соседку пришли воспоминания о дне, с которого все началось.

Вернувшись с работы, она, как обычно, не заходя в комнату, отправилась на кухню. Улыбнулась агаве на подоконнике. Это ее подруга, подарок учеников на 8 Марта. Цветов в горшках учителям дарят много, и Ася обычно оставляла их в школе, отчего класс больше походил на оранжерею. Летом, когда школьные коридоры пустеют, цветы обычно составляют на пол у двери, чтобы сторожу удобнее было их поливать. Заглянув в класс перед отпуском, Ася заметила, что листья агавы поникли, словно цветок огорчен предстоящим расставанием. С тех пор агавка живет у нее на подоконнике. Вообще-то Асе очень хотелось завести кошку, самую обыкновенную, уличную, но работа в школе не имеет четких временных границ, порой приходится возвращаться домой поздно. Не может она себе позволить, чтобы бедное животное, горестно мяукая, бродило по пустой квартире. И хоть Рита говорит, что кошкам наплевать на одиночество, они животные вполне самодостаточные и подобными вещами не заморачиваются, Ася ей не верит. А еще Рита говорит, что Асе надо завести мужика, и тогда желание завести кошку отпадет само собой. Но мужика не хочется. Ей и так неплохо. Может быть, когда-то и хотелось, а сейчас...

– Это твоя сестричка Рита, познакомься, – сказала мама, когда Рита впервые появилась в их доме. А потом, когда они были одни, добавила: – У Риты недавно умерла мама, поэтому ты уж, пожалуйста, постарайся не обижать ее. И делись с ней всем, что у тебя есть.

И Ася делилась. Всем. Даже Стасом. Отец Риты, Вадим, прожил с мамой три месяца, а потом уехал на заработки. А Рита осталась. Вадим регулярно высылал маме деньги. Именно с помощью этих денег ей удалось вырастить девочек. Ася окончила филологический факультет университета. Рита, три раза срезавшись на вступительных экзаменах, решила, что с высшим образованием торопиться не стоит и лучше для начала обзавестись семьей. На свадьбу дочери Вадим прислал такую внушительную сумму, что хватило на все: на роскошное платье, длинный лимузин, банкет в ресторане и медовый месяц в маленьком отеле на берегу Черного моря. А еще их трехкомнатную квартиру удалось с доплатой обменять на двушку для мамы с Асей в спальном районе и однокомнатную в центре для Риты со Стасом. Свадьба получилась очень веселой. Стас практически все время носил невесту на руках...

В этот момент Ася услышала, как входная дверь с шумом распахнулась. Вздвогнув от неожиданности, она бросилась в прихожую и застыла, пораженная совпадением своих воспоминаний и реальности. На пороге стоял Стас с Ритой на руках. Оба были в теплых куртках, поэтому Стас слегка запыхался, но выглядел счастливым, как молодожен, хотя со времени свадьбы прошло уже четыре года.

– А ты, как всегда, не закрываешь дверь, – попеняла сестре Рита, недовольно рассматривая Асин свитер, – принца, что ли, ждешь? Смотри, дождешься! – и уже другим тоном добавила: – Удивляюсь, где тебе удастся нарыть такие безвкусные вещи, сейчас в магазинах столько всего!

– Да я только вошла перед вами, – стала оправдываться Ася. – А свитер – это чтобы от учеников отличаться. Вы, может, замерзли? Хотите чаю?

– И чаю тоже, – подтвердил Стас, занес жену в комнату, подчеркнуто бережно усадил на диван и, встав на одно колено, помог ей избавиться от сапог.

Ася, конечно, привыкла к несколько преувеличенному вниманию, которое Стас оказывает Рите, но обычно до таких масштабов оно еще не доходило – обувь Рита снимала сама. «Скорее всего, произошло что-то из ряда вон выходящее, – подумала Ася и тут же догадалась: – Рита беременна! Здорово-то как!» Она представила ребенка – толстощекого карапуза с перевязочками и ямочками. Девочку. Такую же красивую, как Рита.

Последний раз Рита ждала ребенка через год после свадьбы. Мама как раз уехала погостить в деревню к каким-то дальним родственникам. И местный климат так ей понравился, что она решила немного там пожить. Рита предложила на время, пока мамы нет, поменяться квартирами – ведь их скоро станет трое, в однокомнатной квартире вроде как тесновато. Потом оказалось, что ребенка не будет; но не для того ли люди женятся, чтобы обзаводиться потомством? Не вышло сейчас – получится в следующий раз. Рита заверила Асю, что как только мама соберется возвращаться, они тут же освободят квартиру, а за это время будут усиленно копить деньги на обмен. И вот сейчас... Ася представила, как идет по парку с коляской, в которой радостно машет ручками Ритина дочка. Малютка вдруг щелкнула пальцами звонко, словно кастаньетами. «Ничего себе», – удивилась Ася, а в следующий момент поняла, что это не ребенок, а Стас щелкает у нее перед носом.

– Ау! Мы, между прочим, тут! – возмущенно заявил он. – И, между прочим, кто-то грозился чаем угостить! Короче, я на кухню, а вы тут пока посекретничайте.

– Аська, у нас к тебе дело на миллион! – сообщила Рита, как только супруг вышел из комнаты.

– Так уж на миллион! – недоверчиво улыбнулась Ася, присаживаясь рядом с сестрой.

– Да подожди ты, – отмахнулась та. – Прикинь, мы с Орловым прошли кастинг для участия в телешоу «Следопыт». – Рита сделала многозначительную паузу, а потом с сияющими глазами закончила фразу: – И нас взяли!

Она замолчала, ожидая Асиной реакции, но та лишь пожала плечами:

– Поздравляю. И что дальше?

Орловы – это фамилия Стаса и Риты. Если Рита называет мужа по фамилии, значит, они недавно ссорились, и преувеличенно любезное поведение Стаса – лишь попытка загладить вину.

– Ты не понимаешь! – Рита, казалось, была оскорблена безразличием сводной сестры. – Мы участники одного из самых блестящих спортивных телешоу в стране! Представляешь?

– Пока не очень, – призналась Ася, чувствуя, как медленно тает мечта покатать Ритину дочку. – Что-то я раньше не замечала у тебя особой любви к спорту.

– Аська, какая же ты отсталая! Приз за победу – мил-ли-он! – последнее слово Рита пропела, воздев руки к небу. – Плюс контракт на два года с известным нью-йоркским агентством, рекламирующим одежду для активного отдыха. А это – страшно подумать, какие деньги!

– Что ты собираешься с ними делать? – Ася уже чувствовала, как азарт сестры потихоньку обволакивает и ее, но изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

– Мы выиграем миллион и будем жить все вместе, рядом. Представляешь – три квартиры на одной лестничной клетке: для мамы, для тебя и для нас с Орловым. Скажи, круто?

– Ну, – Ася задумалась.

Рита попала в самое больное ее место. Асю до сих пор терзали сомнения, правильно ли она поступила, согласившись на отъезд мамы. Та вроде довольна своим новым местом жительства: частный дом, лес, речка рядом, но все-таки жить с дочерью и жить с чужими людьми – совсем разные вещи.

– Круто, скажи, круто! – теребила ее Рита.

– Круто, – сдалась Ася. – А что требуется от меня? Деньги? – назвала она единственное, чем, по ее мнению, могла пригодиться семейству Орловых в этой аванюре.

– Нет, – Рита вытянула ногу и, вздохнув, посмотрела на нее. – Старт в субботу...

– В эту субботу? – уточнила Ася.

– В эту, – подтвердила Рита, – а я... мы тренировались... на спуске... я упала... Понимаешь? Орлов взбесился... Понимаешь?..

Ася кивнула. Несмотря на отрывистую околесицу, которую несла сестра, ситуация в общих чертах прояснилась. Рита упала, повредила ногу, не может ходить – вот почему Стас носит ее на руках.

– И чем я могу помочь? Тебе, скорее, надо к врачу, а я?.. – Ася развела руками.

– К врачу! Думаешь, мы не ходили к врачу?

– И что он сказал?

– А что он мог сказать? Покой, холод, тепло...

«Какой-то непоследовательный врач, – подумала Ася, – как это можно одновременно – и холод, и тепло...» – а вслух спросила:

– А от меня-то вам что надо?

– Неужели ты до сих пор не поняла? Ты пойдешь вместо меня! – выдохнула Рита.

– Но это абсолютно невозможно! Нет... Я не могу... – Ася встала с дивана и стремительно подошла к окну. Она прекрасно понимала, что с этого момента ее судьба предрешена – устоять против напора Риты ей не удавалось никогда.

– Чего не можешь? Ведь ты еще не знаешь, что надо делать, а уже отказываешься! – Рита поднялась, подскакала на одной ноге к сестре и обхватила ее за плечи. – Ась, ну помоги, что тебе стоит... – жалобно захныкала она.

Асе стало стыдно: заставила Риту прыгать.

– Держись за меня, – она усадила сестру на диван и обреченно вздохнула. – Ну, рассказывай, что за шоу.

– Смысл заключается в том, чтобы за сорок часов дойти до пункта назначения. Расстояние по прямой – примерно сорок километров, запас еды минимальный, погодные условия – как повезет. Вас полностью обеспечивают всем необходимым, причем снаряжение не лоховское, а самое что ни на есть фирменное, выдают карту, компас и координаты места, где вы должны быть не позднее чем через сорок часов после старта. Через два часа за вами в погоню отправляются бойцы из службы спасения. Как только они вас догнали – считай, конец.

– Как конец? Они что – стрелять будут? – испуганно прошептала Ася.

– О господи, Ася! Ты, как всегда, со своими фантазиями! Нет, конечно! – рассмеялась Рита. – Просто снимают на камеру момент встречи, вы говорите пару слов на прощанье и отправляетесь домой.

– Но ведь я не участвовала ни в каких кастингах, думаешь, никто не заметит подмены?

– Конечно, нет! Все участники одинаковые, в одинаковых костюмах. Надвинешь шапку на глаза, поднимешь повыше ворот свитера, очки на глаза – и вперед. Мама родная не узнает.

– А спасатели?

– Какие спасатели?

– Ну ты же сама сказала – спасатели, которые нас догонят.

– В том-то и фишка, что они вас не догонят.

– Ты уверена?

– Разумеется, – без тени сомнения ответила Рита.

И в этом все они – и Стас, и Рита! Очертя голову бросаясь в очередную авантюру, они на сто процентов уверены в успехе. На сто процентов Стас и на сто процентов Рита. И эти сто процентов уверенности в квадрате всегда обеспечивают им победу.

И лишь когда за семейством Орловых, напившихся чаю и заручившихся Асиным обещанием поддержать их в погоне за миллионом, закрылась дверь, Ася поняла, сколько проблем ей придется решить. Из того, что было на поверхности, – каким-то образом отпроситься с работы, обзавестись спортивной одеждой и обувью. И потом, ну как она может заменить Риту? Рита такая красавица! У нее замечательная легкая походка, королевская осанка. Она даже плачет красиво, не то что Ася, у которой нос сразу распухает и краснеет, будто у пьяницы со стажем. В какой-то момент Ася почувствовала, что решимость ее потихоньку убывает, но тут раздался телефонный звонок.

– Асенька? – это была мама.

Что-то в ее голосе насторожило Асю.

– Ма? Как ты? У тебя все в порядке?

– В порядке. Конечно, в порядке. Что со мной может случиться? – сказала мать, но Ася готова была биться об заклад, что это неправда. Она вдруг представила маму в занесенном снегом по самые окна одноэтажном бревенчатом доме. А та продолжала: – Соскучилась я по тебе с Риточкой. Может, приедете хоть на пару деньков?

В ее голосе звучала такая пронзительная тоска, что у Аси мурашки по спине побежали, а к глазам подкатились слезы.

– Конечно, приедем, ма! Только не сейчас – через неделю, хорошо? Хотя у меня огромное желание не просто в гости приехать, а забрать тебя домой. Насовсем. По-моему, ты загостилась.

Она услышала, как за много километров от нее мать тихо вздохнула.

– Асенька, девочка моя! Спасибо тебе, родная. Конечно, хорошо. Приезжай, когда сможешь. Ты уж прости меня, пожалуйста.

– Да за что простить, мама? Это ты меня прости, что я не могу прямо сейчас приехать.

Положив трубку, Ася расплакалась. Выбора нет – теперь ей точно надо участвовать в этом шоу. Хотя бы для того, чтобы Рита со Стасом смогли с помощью выигранных денег обзавестись новой квартирой, а они с мамой вернулись в свою двушку.

Ася поймала себя на мысли, что она считает вопрос выигрыша решенным. Что ж, сто процентов уверенности в кубе – это абсолютная гарантия успеха. Если только...

Глава 3

– Господи, ты чего это тут делаешь? – донесся до Аси чей-то голос. – А ну, давай вставай! Ну-ка, держись за руку!

Открыв глаза, она сначала не поняла, куда попала и что за громогласная женщина над ней возвышается.

– Вставай, вставай, маленькая, – не унималась та, и Ася поняла, что заснула в палате, прямо на полу, и санитарка Полина Иосифовна пытается ее поднять.

– Я... извините, пожалуйста. Просто столько всего произошло... Эта женщина... Кристина...

Ася почувствовала, что сейчас разревется, а реветь никак нельзя. Только силы терять. Надо как-то отблагодарить эту Полину. Она такая добрая... Смотрит, как мама. Только как? Дать денег – неудобно. У Кристины это ловко получается, раз – и сунула бумажку в карман, будто всю жизнь этим занималась. Ася все-таки потянулась за сумкой, чтобы достать кошелек. Дальше все пошло как по накатанным рельсам: бегунок заело, сумка упала, содержимое веером полетело на пол. С трудом сдерживаемые слезы хлынули из глаз.

– Да будет тебе, успокойся! – добродушно ворчала Полина Иосифовна, собирая Асино добро и складывая его обратно в сумку. – Чего с утра реवेशь? Сейчас доктор придет, глядишь, и домой отпустит!

– Кристина тоже думала, что ее отпустят, – сквозь слезы сказала Ася.

– Соседка твоя, что ли? Сегодня, конечно, нет, а через пару деньков, глядишь, и отпустят.

– Как это? – всхлипнула Ася.

– Как-как? На костылях, понятно...

– Так она не?..

– Чего не? – переспросила Полина Иосифовна, но и без Асиного ответа поняла, о чем речь. – Да ты что, типун тебе на язык! – она замахала руками, словно отгоняя от себя злых духов. – Нам в отделении только этого не хватало! Сейчас у нас пересменка, а потом привезут твою соседку. Да уж, боевая она, тут же собралась с врачом судиться.

Ася, уже почти успокоившаяся, поморгала ресницами:

– С каким врачом?

– Да не с нашим, не с больничным, у нас тут по ночам дежурят из поликлиники.

Разговаривая, Полина Иосифовна не теряла времени даром: быстро прошла по центру палаты шваброй, смахнула пыль с подоконников.

– Туда, под кровать, – вспомнила Ася, – от телефона аккумулятор улетел.

– Да сейчас мы его, голубчика, достанем, – санитарка, кряхтя, опустилась на колени, – держи, маленькая, и не теряй. Хотя стой. Давай я сама вставлю. Мне двумя руками сподручнее.

Разобравшись с Асиной помощью в конструкции аппарата, Полина Иосифовна вставила батарейку.

– Держи.

Ася вспомнила о желании отблагодарить заботливую санитарку, но сумка с кошельком снова была закрыта. Взгляд остановился на белоснежной коробочке с конфетами. Ася не помнила, как Рита ее доставала, но ведь, кроме них со Стасом, в палату никто не заходил, а значит, конфеты принесли они.

– Спасибо вам огромное, – Ася протянула конфеты санитарке, – возьмите, пожалуйста.

Та улыбнулась, обтерла руку о полу куртки, взяла коробочку и вышла из палаты.

Глава 4

Проснувшись, Кристина обнаружила, что находится в палате, которую уже мысленно окрестила своей. Ася в белоснежном махровом халате – этакая снегурочка – сидела у окна и что-то бойко набивала левой рукой на стоящем на подоконнике ноутбуке. При этом она с таким грохотом барабанила по бедным клавишам, словно это был какой-то допотопный «Ундервуд». Хотя, может быть, Кристине это только казалось, и звуки, производимые пальцами соседки, многократно усиливало жгучее чувство досады. Опять чертов стакан воды! В очередной раз жизнь пытается доказать, что одиночество – не лучший способ существования. Пока она сражалась за жизнь, родственнички успели снабдить соседку ноутбуком. И телефон мобильный у нее есть...

К досаде добавилось ощущение беспокойства, необходимости что-то делать, куда-то бежать. Эти симптомы Кристина знала как свои пять пальцев: трудовоголомная ломка. Безумно хотелось посмотреть, как в ее отсутствие поторговали магазины, справились ли с дневным планом, выполняется ли план месяца по точкам и по фирме в целом. Сделать это можно только одним путем.

Кристина резко села на кровати, в голове зашумело, стены палаты поплыли, словно циферблаты на картине Дали. Ася прекратила барабанить по клавишам и испуганно на нее уставилась.

– Вам помочь?

– Нет, спасибо, не надо, – непроизвольно вырвалось у Кристины. Не нуждается она ни в чьей помощи. Хотя... – Да, пожалуйста, – сказала она несколько мягче и почувствовала, как привстала с табуретки Ася, готовясь стремглав мчаться на выручку. – У вас есть Интернет?

– Конечно!

Ася кивнула и неуклюже попыталась закрыть ноутбук подбородком, очевидно, для перебаазирования на кровать соседки. Помня о печальной участи мобильного телефона, Кристина довольно резко пресекла ее метания.

– Не надо, я сама подойду.

Пол палаты казался палубой лайнера, бороздящего просторы мирового океана, но Кристине удалось преодолеть пару метров, отделяющих ее от подоконника. С трудом угнездившись на табуретке, она подтянула к себе ноутбук и мгновенно ощутила предчувствие прихода. Кажется, так это называется у наркоманов. Сейчас... надо только найти в браузере нужный сайт... ввести пароль...

Что это? На экране появилась надпись: «К сожалению, вы не можете просматривать запрошенную страницу». Вот растяпа! Неправильно ввела пароль. Убедившись, что язык выбран русский и клавиша «Capslok» не нажата, Кристина повторила попытку. С тем же результатом. В голове зароились неприятные мысли.

«Что бы мы делали без вас, Кристина Сергеевна! – говорил Мальчик, когда Кристине удавалось чем-то удивить его. – Даже не представляю». И вот теперь, стоило ей не прийти на работу... А вдруг сервер вышел из строя? Отключили Интернет? А вдруг... Нет, лучше не думать о плохом! Но как о нем не думать, когда провокационные мысли сами лезут в голову. Ничего, сейчас все выяснится.

– Извините, Ася, вы не разрешите мне воспользоваться вашим мобильным? Я заплачу.

Ася одновременно закивала и замахала здоровой рукой, что должно было символизировать согласие и отказ от денег. Телефон был похож на свою хозяйку: корпус его стягивала белая махровая резинка для волос, а сами волосы, за неимением ничего лучшего, Ася заколола на макушке карандашом, на манер японской гейши. Интересно, как это ей удалось одной рукой?

Кристина набрала городской номер офиса.

– Рыбак. Слушаю вас, – отозвалась трубка.

Ну конечно. Этот бездельник опять сидит в приемной на секретарском месте. Мальчик, наверное, уехал, и, как водится, кот из дома – мыши в пляс. Секретарша – по магазинам, сисадмин – еще куда-нибудь, и никому нет дела до того, что сервер не работает. А этот Рыбак к тому же нарушает корпоративную этику. Ведь в начале разговора он обязан озвучить название фирмы, чтобы звонящий не сомневался, туда ли он попал. Но сейчас Кристине было не до этикета.

– Соедините меня с отделом кадров, – потребовала она.

– Здравствуйте, Кристина Сергеевна, – отозвался Рыбак. – Как ваше здоровье? – голос его звучал на удивление мягко и участливо, словно ему и впрямь было дело до Кристинино самочувствия.

«Ну надо же, узнал», – недовольно поморщилась Кристина. Это абсолютно не входило в ее планы.

– Нормально здоровье, – буркнула она. – Так вы соедините меня с отделом кадров или как?

– Извините, – поспешно ответил Рыбак, и в трубке зазвучали бравурные аккорды гимна «Апогея».

– Кристина? Ты? – голос менеджера по персоналу, Людмилы Марчук, единственного человека в фирме, с которым Кристина была накоротке, звучал настороженно.

– Я! Привет!

– Приве-е-т! – протянула Людмила, и по этому протяжно-отстраненному «приве-е-т» Кристина поняла: в фирме действительно что-то случилось.

– Люд, у вас все в порядке? – спросила она, заранее холодея в предчувствии отрицательного ответа.

– В порядке, что с нами сделается... – медленно, будто тщательно обдумывая каждое слово, произнесла Марчук и вдруг зачастила: – Я сейчас к тебе приеду. Хорошо? Сейчас. Только машину найду какую-нибудь и приеду.

«Рыбака попроси, все равно дурью мается», – хотела сказать Кристина, но Людмила уже повесила трубку.

«Что за черт? С ума там они все посходили, что ли?» – подумала Кристина, но тут дверь распахнулась, и в палату вошел мужчина.

– Здравствуйте, – он шагнул к кровати Кристины, – я ваш лечащий врач. Зовут меня Андрей Андреевич. Как самочувствие?

– Отлично самочувствие, доктор, – ответила Кристина. – Меня обещали сегодня домой отпустить.

Доктор вытянул губы в трубочку и склонил голову набок, будто взвешивая услышанное на стрелочных весах. Кристина с нетерпением наблюдала за этой пантомимой.

– Ну, я в этом не уверен, – наконец проговорил доктор. – Перелом слишком сложный, ручной репозицией добиться совмещения обломков не удалось, поэтому необходимо оперативное лечение.

– Да хотелось бы как можно более оперативно, – подтвердила Кристина, плохо понимающая, куда клонит Андрей Андреевич, – мне нужно на работу.

– Я имел в виду проведение операции остеосинтеза, – покачал головой доктор.

– Операции? А по-другому никак нельзя?

– В вашем случае нет.

– Ну так сделайте поскорее эту операцию, – нетерпеливо заерзала на кровати Кристина. – Сколько это потребует времени?

Доктор повторил пантомиму со складыванием губ в трубочку и сказал:

– Понимаете, говорить об операции еще рано. Сначала мы должны произвести полное обследование вашего организма и убедиться, что никаких сюрпризов на операционном столе вы нам не преподнесете.

– Какие сюрпризы? Я абсолютно здорова, – уверенно заявила Кристина, – последний раз была на больничном шесть лет тому назад.

– По какому поводу? – настороженно спросил Андрей Андреевич.

– По поводу насморка, – отмахнулась Кристина.

– А чем вы объясните сердечный приступ, имевший место вчера? Хорошо, что вам успели вовремя оказать первую помощь. В противном случае... – он развел руками. Броня напускной стервозности пропустила удар, и Кристина почувствовала укол раскаяния.

– Я... – она замялась, – вчера наговорила глупостей вашему доктору. Мне хотелось бы извиниться перед ним.

– Хорошо, – сухо кивнул Андрей Андреевич, – я передам ему ваши извинения.

Он уже направился к кровати Аси, а Кристина все пыталась спланировать свою дальнейшую рабочую деятельность, а с ней и всю свою дальнейшую жизнь с учетом предстоящей операции. Она может с утра приезжать в больницу, а после обеда ехать на работу – что-то вроде дневного стационара. Гипс – не помеха, это не рука – спокойно можно ездить на машине. Конечно, водитель из нее еще тот, практики вождения маловато. Но не в ралли же «Париж – Даккар» она собирается участвовать. Как-нибудь, потихонечку, в самом крайнем ряду до работы доберется. И все-таки что же там у них случилось? Людка чего-то темнит, секретарши нет на месте – значит, Мальчик тоже куда-то уехал.

И тут ее осенило: а вдруг он поехал сюда, в больницу? От этой мысли Кристину даже в жар бросило. Вообще-то такой привычки за Мальчиком не замечалось. Он был сторонником здорового образа жизни, даже в разговорах тему болезней никогда не поднимал и резко обрывал, если кто-то начинал ее развивать в его присутствии. Но все же дело касается не совсем рядового сотрудника... Можно даже сказать, совсем не рядового...

– Вы не дадите мне зеркало? – спросила она у Аси, как только доктор вышел из палаты. Чем черт не шутит, вдруг Мальчик действительно заявится?

Из зеркала на Кристину смотрело абсолютно чужое лицо – осунувшееся, с ввалившимися глазами, но предпринять что-либо было невозможно, поэтому оставалось смириться с неизбежным. Кристина подложила под спину подушки и постаралась, насколько позволяла ситуация, принять позу, которая, в ее понимании, соответствовала виду человека, может, и испытывающего незначительные проблемы со здоровьем, но готового в любой момент эти проблемы превозмочь и ринуться в бой.

«Интересно, если действительно придет Мальчик, догадается Ася выйти? – Кристина недовольно посмотрела на продолжающую что-то печатать соседку. – И когда ее выпишут?» Спрашивать не хотелось, ведь в любой момент мог появиться Мальчик... И когда в дверь тактично постучали, Кристина ни секунды не сомневалась: это он. Асины родственнички вваливались без стука и с таким грохотом, будто открывали дверь с ноги, медперсонал вряд ли будет стучать. Сердце забило быстрее.

– Войдите, – хриплым голосом отозвалась Кристина и поморщилась от разочарования. Причем двойного. Первого, потому что вместо Мальчика на пороге возникла менеджер по персоналу Людмила Марчук. А второго, потому что в руках у посетительницы не было ничего, кроме папки с логотипом «Апогея»: ни ноутбука, ни телефона, ни тапок, ни банального пакета с фруктами, которые неписаные правила приличия обязывают приносить больным. Но в следующее мгновение разочарование сменила тревога. Вместо дежурной улыбки лицо Людмилы несло выражение неподдельной скорби, пальцы ее, пухлые и взволнованные, терзали папку, оставляя на ней влажные следы.

– Привет, Люд! Что с тобой? Что-то случилось?

«Господи, да что же это такое, может, кто умер?» – пронеслось в голове.

Людмила подошла к кровати и молча положила папку на одеяло. Кожаная, ужасно дорогая папка, в которой секретарша подает документы Мальчику на подпись. Таких на фирме всего две – у Кристины и у шефа. Он привез их с какого-то семинара, то ли из Марокко, то ли из Арубы. Ну-с, что тут у нас? Кристина открыла папку. Два листа бумаги. Всего два. Ее, Кристины, заявление об увольнении, отпечатанное на компьютере, с позавчерашней датой. В левом верхнем углу размашистая виза Мальчика: уволить по соглашению сторон. И приказ тем же числом.

– Подпиши, – Людмила порылась в сумке и протянула ручку.

А Кристина не могла пошевелиться, чувствуя себя бойцом на ринге, пропустившим мощный удар в диафрагму. Две бумаги, лежащие перед ней на больничном одеяле, были равносильны смертному приговору. Жизнь застыла. Холодно...

Глава 5

...Холодно. Почему так холодно? Сквозь щели жалюзи пробивается зимнее солнце, создавая иллюзию тепла, но от окна тянет, как из склепа. Подойти бы, раздвинуть жалюзи – всего на миллиметр-другой, чтобы солнечный свет хоть немного освободил душу от тревожного сумрака. Но нельзя. Женька может заметить и воспринять это как покушение на свою свободу. Тринадцать. Взрывоопасный возраст. Его сын, тихий, болезненно-застенчивый отличник, обычно во всем соглашающийся с отцом, превратился в яростного борца с общепринятыми авторитетами и правилами. Возвращаясь из школы, он бросает в коридоре портфель, закрывается в своей комнате и врубает на полную мощность музыку. Любая попытка наладить хоть иллюзорный мир воспринимается как стремление ущемить его независимость. Нет, Женька не устраивает скандалов и сцен, как его мать. Просто смотрит с циничной усмешкой, кривящей губы, будто говорит: «Ну-ну».

Кирилл не помнит себя в этом возрасте. Детские воспоминания как-то не сохранились. Память, словно ящик фокусника, надежно скрывает свои секреты. Даже вылинявшие от времени фотографии, что попадают под руку во время поисков неожиданно понадобившейся книги, не вызывают никаких эмоций. Но вряд ли он позволял себе такое по отношению к отцу и матери.

Кирилл как-то скачал в Интернете книгу «Как вести себя с сыном-подростком» и, следуя советам авторов задавать вопросы и дожидаться на них ответов, задавал и дожидался. Но ожидание выливалось в звенящее молчание. Чем больше вопросов, тем глубже молчание.

Внизу хлопнула дверца автомобиля. Хорошо еще, что удалось уломать Женьку ездить на машине «Апогея» – спокойном и непритязательном «Рено Логане». Еще бы вместо обыкновенного водителя посадить за руль профессионального телохранителя с пистолетом в наплечной кобуре, тем более что таковой имеется в наличии. Но никак не удастся найти убедительную причину для рокировки. Кирилл все-таки не выдержал, подошел к окну, тронул тканевую ламель.

В этот момент пол под ногами дрогнул, и хотя металлопластиковое окно не пропускало шума с улицы, тишина, царящая в доме, взорвалась. А следом раздался крик – пронзительный и короткий.

– Нет! – Кирилл закрыл лицо руками и с силой надавил пальцами на глазные яблоки. Два огромных огненных шара, медленно остывая, превратились в глаза. Застывший взгляд, устремленный в неведомое...

Женька очень похож на него, только глаза унаследовал от матери. Семь лет тому назад, после очередной ссоры, она собрала вещи и уехала на своем «Альфа-Ромео» ядовито-зеленого цвета в неизвестном направлении. Кирилл пытался ее искать, обращался за помощью в милицию, но поиски забуксовали. Может, если смазать шестеренки, дело бы сдвинулось с мертвой точки, но в какой-то момент Кирилл понял, что тонет в болоте депрессии и скоро сам себя потеряет. Он бросил все и уехал в Америку. Поездку на родину маркетинга как науки Кирилл планировал давно. Придирчиво рассматривал различные варианты, никак не мог выбрать оптимальный. А потом сорвался с места в одночасье. Итака, Бостон, Принстон... В одном из этих городов – он никак не мог вспомнить, в каком конкретно, – на глаза ему попалось объявление в газете, из тех, что бесплатно раздают на улицах. Психоаналитик... Помощь... А почему, собственно, нет? Забыть все, что мешает жить, и начать все сначала. И он забыл. В памяти осталась только скудно освещенная комната, голос, что-то монотонно повторяющий на английском. И баснословный, по российским меркам, гонорар, уплаченный последователю Фрейда. Сто тысяч долларов. Почему так много – Кирилл тоже не помнил, изначально речь шла о более скромной сумме. Не хотелось думать, что, воспользовавшись полубессознательным состоянием паци-

ента, врач попросту облапошил его, как обводят вокруг пальца доверчивых дур цыганки. Но, в отличие от них, работу свою врач выполнил честно. Подробности неудачного брака, а заодно и координаты, имя и даже внешний облик психоаналитика были начисто стерты из памяти. Странно, зачем? Неужели врачу не нужна реклама? В противном случае, зачем ему давать объявление в третьесортной газете? В таком щекотливом деле, как промывка собственных мозгов, лучшая реклама – совет человека, который этой услугой уже воспользовался. Но факт остается фактом: пожелай Кирилл сейчас снова обратиться за помощью к этому врачу – ничего бы не вышло. А желание было.

Через год после возвращения из Штатов он решил смотаться на недельку к морю. Не то чтобы ему особо хотелось, но жалко было Женьку, с головой ушедшего в виртуальный мир. Небольшой отель, спрятавшийся среди скал на самом берегу, свои пять звезд действительно заслужил. Отменный сервис, вышколенный персонал, и море – чаша безмятежной глади, лениво поблескивающей на солнце, будто старинное зеркало из серебра. Они с Женькой поселились в двухэтажном коттедже, и, выйдя на балкон, Кирилл почувствовал, что попал в другой мир. Мир, где нет городов, людей, катастроф, кризисов, неурядиц. Мир тишины и покоя. И тут Кирилл услышал крик. Полный страха и отчаяния крик сына. Дернулся бежать – и замер: он вдруг абсолютно отчетливо увидел Женькины глаза. Неподвижные, смотрящие в неведомое...

– Па, ну ты чего? Пойдем купаться! Ты же сказал – только бросим сумки и побежим! – Кирилл почувствовал, как сын дергает его за гавайку, и понял, что секунду назад на мгновение потерял рассудок.

– Идем, – он сунул ноги в пляжные сандалии и, спускаясь на первый этаж, осторожно поинтересовался: – Ты сейчас ничего не слышал?

Сын, прыгая через ступеньку, скатился по лестнице и посмотрел на него снизу вверх:

– Чего не слышал?

– Вроде кричал кто-то, – Кирилл остановился, вспоминая подробности странного происшествия.

Женька поднялся по ступенькам, пальцы сына вцепились в запястье Кирилла, нетерпеливо затеребили руку:

– Па-а-а, ну ты че, кому тут кричать?! Никого же нет! Скукотища! Пойдем! – и потянул отца с такой силой, что, оставаясь на месте, Кирилл рисковал скатиться с лестницы кувырком.

С тех пор в его жизнь вошли галлюцинации (так Кирилл назвал свои видения). Здравый смысл подсказывал, что он просто переутомился и необходимо обратиться к врачу. Но в глубине подсознания утвердилась мысль, что кто-то или что-то хочет предупредить его о грозящей беде. И Кирилл стал к ней готовиться. Нелюдность сына сыграла ему в этом на руку – Женька почти нигде, кроме школы, не бывал, а в школу его возил шофер «Апогея».

Опустив руки, Кирилл увидел мирно выезжающий со двора «Рено Логан». С силой потер виски, ощущая, как дрожат кончики пальцев. Напряжение не отпускало. Конечно, надо с этим кончать. Ведь если верить в материальность мысли, он раз за разом убивает своего сына. Он псих, шизофреник. Это не лечится, но хотя бы как-то купируется. Однако обращение к врачу равносильно тому, чтобы повесить на грудь табличку: «Я псих». Сотрудники начнут шептаться по углам. Кирилл пытался консультироваться заочно, по Интернету, но каждый раз получал один и тот же ответ: приходите на консультацию. Один раз Кирилл пригласил в «Апогей» известного психотренера.

Он вспомнил скептическую улыбку Светловой, когда та прочитала резюме тренера.

– Ну надо же! Наладить гармоничные отношения в коллективе! За восемь часов! Да он просто шарлатан какой-то, этот ваш тренер! – она вопросительно посмотрела на Кирилла, ожидая его реакции, а затем, очевидно, прочитав ответ по его глазам, продолжила: – Да еще за

такие деньги! Шесть тысяч евро! Интересно, он вернет их, если отношения не наладятся? И как мы проверим – наладились они или нет?

– Вот вы у него и спросите, Кристина Сергеевна, – сказал Кирилл, в душе надеясь, что делать этого она не станет.

А потом, в перерыве тренинга, он случайно увидел, как эта самая Светлова рыдала на плече у психотренера. Ну, положим, не на плече, да и не рыдала вовсе, но когда он как бы невзначай столкнулся с ней в дверях, глаза ее были не такими, как обычно. Меньше стервозности, больше человечности. Тренинг удался.

Светлова... Все-таки он правильно сделал, что уволил ее. В фирме должен быть один шизофреник. И потом у нее, оказывается, проблемы с сердцем. Волнения ей абсолютно противопоказаны.

Кирилл представил, что его ждет сегодня в «Апогее». Каждый примеряет шкуру уволенной сотрудницы на себя, ощущая, как вроде бы стабильная почва начинает уходить из-под ног – ведь он может стать следующим. Кто будет думать над оптимизацией продаж, когда голова занята непогашенными кредитами, семейными неурядицами, проблемами со здоровьем? Все-таки правильно, что он уволил Светлову. Не хватало еще, чтобы у нее инфаркт случился прямо в офисе. К тому же Кристина Сергеевна в фирме уже больше пяти лет. На Западе считается, что сотрудник, работающий в одной компании такой продолжительный срок, теряет свою квалификацию и ценность как специалист. А еще человеку, имеющему дело с чужими деньгами, причем не просто деньгами, а очень большими деньгами, рано или поздно приходит в голову мысль переложить толику в свой карман. Верить нельзя никому.

Кирилл понимал, что таким образом успокаивает себя, что на самом деле какое-то время ему будет не хватать Светловой, ее преданности, холодной расчетливости, хватки бультерьера, мужского склада ума. И, может статься, он еще пожалеет о том, что уволил ее.

Глава 6

– Он еще пожалеет, – пробормотала Кристина.

– И не думай, – закудахтала Людмила, доверительно касаясь пальцами ее плеча, – ты же знаешь, какой он. Надеюсь, ты не судиться с ним вздумала?

Судиться! Надо быть полной дурой, чтобы судиться с Мальчиком! При любом решении слуг Фемиды следующий шаг – смена места жительства, причем радикальная. В родном городе она если и сможет устроиться на работу, то разве что продавцом на рынке без официального оформления и каких бы то ни было гарантий.

И на вендетту с разбитыми стеклами и вымазанными краской дверями она размениваться не собирается. И даже дерзкая махинация с переводом капиталов «Апогея» куда-нибудь в офшор не кажется ей оптимальным вариантом мести. Нет, все будет по-другому. Воображение нарисовало сцену почти по Пушкину, ту самую, где Татьяна в малиновом берете с послем испанским говорит, а Онегин смотрит на нее с отвисшей челюстью.

– Кристин! Ты как? – бывшая сотрудница, похоже, не собирается оставлять ее в покое.

– Иди, Люд, иди, – повернулась лицом к стене, давая понять, что разговор окончен.

– И все же...

Как можно быть такой настырной?

– Может, тебе что-то надо? Ты скажи, я съезжу... Я на машине... Рыбак, как узнал, что я к тебе собираюсь, сразу вызвался отвезти. Знаешь, все очень переживают за тебя.

«Как же, переживают, за свои задницы трясутся! Ждут, кто будет следующим».

– Я с утра сама не своя. Вдруг он и меня уволит. Ты же знаешь, у меня дети... Я без работы не могу, – Людмила всхлипнула.

«Ну вот, сейчас мною воспользуются в качестве жилетки, в которую можно поплакать и посморкаться», – Кристина нехотя повернулась к посетительнице.

– У него же для всех нас есть замена. Ему ничего не стоит, раз, – Марчук шелкнула пальцами, – и на твоём месте уже кто-то другой. А ты... – и она снова всхлипнула.

– Ты хочешь сказать, что на моем месте кто-то сидит? – Кристина аж задохнулась от такого предположения.

Марчук замялась:

– Я же тут, с тобой, откуда мне знать, сидит или нет?..

«Знаешь, ты точно знаешь, не можешь не знать», – подумала Кристина, и тут ее осенило.

– Рыбак, – полувопросительно-полуутвердительно сказала она.

– Нет, только не он. Он же мент, – вырвалось у Людмилы. – Ой, – она приложила пальцы к губам, – только я тебе ничего не говорила. Ага? Я случайно узнала. Увидела у шефа резюме Рыбака. Я новое штатное приносила на согласование, а ему как раз кто-то позвонил... он вышел... а я... Кристин? Ты же никому?..

– Конечно, кому же я скажу? Никому не скажу. Ты иди, Люд, а? Иди, пожалуйста. Что-то я устала...

– Конечно, – Марчук попятилась к выходу, – конечно. Если что надо, ты звони, хорошо?

– Хорошо. – Хоть бы поинтересовалась, есть ли у нее этот долбаный телефон! Ладно, в конце концов, можно попросить у Аси. Она посмотрела на соседку – похоже, спит.

Кристина лежала и смотрела в потолок. Белый потолок. Белый лист. Жизнь начинается заново. С чистого листа. Наверное, так чувствует себя рыба, выброшенная волной на берег. Как и она, Кристина, не способная жить вне реки. Ведь когда ты в реке, не надо задумываться над тем, куда ты поплывешь – ты в русле, по которому мчится поток. Твоя задача – остаться на плаву, и ты борешься с водоворотами; обдирая в кровь руки, переползаешь через пороги; с замирающим одновременно от страха и восторга сердцем обрушиваешься с водопада. Иногда

чертовски устаешь, хочется забыть все, выбраться на берег. Ведь он есть – периодически выныривая, чтобы глотнуть воздуха, ты видишь проносящиеся мимо леса, поляны, деревни. Иногда отчаянно осознаешь, что тебе хочется растянуться на траве и, покусывая стебелек, смотреть на бродящие по небу стада облаков, растворяться в песне жаворонка. Но в этот момент ты понимаешь, что течение ускоряется, грохот падающей воды предупреждает: впереди препятствие. И, отринув провокационные мысли, ты бросаешься вперед, в поток.

Стемнело, потолок посерел, углы его утонули в сумерках. От длительного лежания затекла шея. Кристина села на кровати, сделала несколько вращательных движений головой. Больничная подушка напоминала шляпку гриба, впечатанную в землю подошвой незадачливого грибника. В тот момент, когда Кристина попыталась привести ее в божеский вид, на пол упала прозрачная обертка от конфеты. Эх, сейчас бы съесть парочку, глядишь, и не так муторно будет на душе. Подобрав фантик и с трудом сдержавшись, чтобы не разбудить Асю, Кристина снова легла на спину. Она гладила бумажку, как курильщик, принявший решение отказаться от пагубной привычки, с тоской разминает сигарету. Фантик был скользким, слегка прохладным, и только в одном месте палец наткнулся на небольшой бугорок. Непонятное препятствие раздражало, и когда вдруг резко вспыхнул свет – пришла медсестра с градусниками, – Кристина с трудом сдержалась, чтобы не наругать ей. Просто так, без особых причин. Как будто это она виновата во всех Кристиных неприятностях. Положив градусник на тумбочку, чтобы сгоряча не разбить, Кристина попыталась установить причину своего раздражения. Посмотрев сквозь фантик на свет, она обнаружила в нем маленькую дырочку. «Похоже, конфетку до меня кто-то кушал», – скривилась Кристина. От мысли, что след оставлен муравьем или, что еще хуже, тараканом, ее замутило. Сглотив тошноту, она еще раз посмотрела на свет сквозь злополучный фантик и с облегчением поняла – нет, не таракан. Уж очень маленьким и ровным было отверстие. Как от иглы.

Память сразу восстановила последовательность событий. Вот она в коридоре съедает конфету, возвращается в палату, а потом Асин крик и темнота. Вывод: дело в конфете! Кто-то с помощью шприца ввел в нее лекарство, которое и вызвало сердечный приступ. С одной стороны, это хорошо – значит, сердце у нее в порядке, можно делать операцию, с другой – кто-то сознательно хотел отправить ее на тот свет. Нет, чушь какая-то! Кому это надо? Наследников у нее нет, врагов – тем более. Если пойти сейчас с этим фантиком в полицию, ее просто засмеют и сочтут сумасшедшей.

– Кристина Сергеевна, – донесся до нее тихий голос Аси.

Ой, ну прямо как бабка старая – Кристина Сергеевна.

– Меня зовут Кристина. Без Сергеевны. Понятно?

– Извините, – голос Аси стал еще тише. – А знаете, вы меня извините, пожалуйста...

– И на «ты», – перебила ее Кристина, – мы ведь с тобой почти одного возраста.

– Ну, если вы настаиваете...

– Да нет, Ася, я просто прошу, – тон последней фразы был абсолютно далек от просительного.

Это был самый тягучий и муторный день в жизни Кристины. Казалось, ему не будет ни конца, ни края. Она лежала в темноте, прислушиваясь к больничным звукам, доносящимся из-за неплотно прикрытой двери. Мозг, изнывающий от безделья, требовал хоть какой-нибудь деятельности. И так как хозяйка, по-видимому, не собиралась помогать ему, он сам нашел объект для обдумывания. Человек, который отравил конфету. Убийца...

Глава 7

...Убийца. За полтора года в СИЗО и почти пять лет на зоне Тимур так и не привык к этому статусу. Нет, он, конечно, виноват, спору нет. Он никогда не отказывался. Сельскому участковому сразу заявил, что это он, своими руками, убил Ольгу. Сотрудничал со следствием. Потому и срок ему дали не по максимуму. Тимур даже не стал писать ходатайство об УДО – виноват же. И все-таки...

Громыхая колесами на стыках, поезд летел сквозь ночь. Снежинки ночными бабочками ударились о стекло. Пролетающие мимо фонари на мгновение отражались в вагонном окне, и в их свете он видел свое лицо – лицо старика с глубокими бороздами морщин и ввалившимися глазами.

Коротко постучав, в дверь заглянула проводница, полная женщина неопределенного возраста с пучком пегих волос на макушке. Свет из коридора ударил по глазам, невольно заставив прищуриться.

– Вы чего в темноте сидите? Не хотите чаю?

Тимур неопределенно мотнул головой. Он давно отвык от таких вот маленьких знаков внимания. В тюрьме никто не предлагал чаю.

– С лимоном? – женщина восприняла его жест как согласие. – Могу еще печенье и вафли предложить.

– Вафли, – кивнул Тимур. – И с лимоном.

– Дверь закрыть? – спросила проводница. Чувствовалось, что ей хочется отгородиться от неприятного пассажира. И пусть закрытая дверь купе – не слишком надежная преграда, но это все-таки лучше, чем ничего.

– Не надо, – коротко ответил Тимур, отметив выражение разочарования, промелькнувшее на лице женщины. Столь кратковременное, что сама проводница, скорее всего, даже не ощутила чувства, которое отразило ее лицо. Но достаточное для Тимура. Читать эмоции собеседников, пусть даже таких случайных, как эта женщина, он умел. Именно это помогло ему стать тем, кем он стал. До того, как стал убийцей.

В четвертом или пятом классе, он уже точно не помнил, да и не хотел вспоминать – какая, в принципе, разница, – на классном часе в школе они обсуждали свою будущую взрослую жизнь. Классную руководительницу, Спичку, как звали ее в школе не то за непомерную худобу, не то за высокий рост, не то за бесформенную копну выкрашенных хной волос, а скорее за все вместе, интересовал вопрос: кто кем хочет стать, когда вырастет. Мечты были вполне зрелыми и реальными – будущих космонавтов и продавцов мороженого в классе не нашлось. В целом перечень профессий оказался довольно предсказуемым: офицеры, врачи, артисты.

– Я буду экономистом, – сказал Тимур и увидел, как недоуменно переглядываются одноклассники. А Спичка посмотрела на него со странным выражением, где в равных пропорциях смешались удивление, понимание и жалость. Хотя, пожалуй, удивления было меньше, чем понимания. Да и чему удивляться? Тому, что сын секретаря парткома самого крупного в городе завода мечтает о профессии, о которой его сверстники слыхом не слыхивали? Остается только пожалеть ребенка, живущего навязанной родителями мечтой.

Но сам Тимур так не думал. За свою недолгую жизнь он привык к тому, что отец плохого не посоветует. Поэтому он шел к своей – не своей мечте с недетской настойчивостью. В четырнадцать одним из первых вступил в комсомол, в семнадцать входил в состав комитета комсомола школы. Несмотря на активную общественную жизнь, школу окончил с золотой медалью и в этом же году поступил в университет на экономический. К концу первого курса уже входил в состав комитета комсомола факультета, к концу третьего подал заявление в пар-

тию. Не из политических убеждений, а для того, чтобы обеспечить фундамент для дальнейшей карьеры. Без партбилета о руководящей работе можно было только мечтать. По окончании университета молодому коммунисту Тимуру Молчанову предложили должность инструктора в горкоме комсомола. Следующей ступенью должен был стать обком, но тут в поступательное развитие карьеры молодого экономиста вмешалась история. Советский Союз рухнул, комсомол прекратил свое существование, партия ушла в подполье, а партийные деньги стали почвой, на которой, как грибы после теплого осеннего дождя, начали возникать фирмы, кооперативы, банки. Руководителем одного из них, «Аверс-банка», и стал Тимур. Несмотря на отсутствие опыта банковской деятельности, богатый опыт административной работы, а также связи, свои и отцовские, сыграли огромную роль в становлении молодого банкира.

Уже через полгода банк оброс клиентами. Аверс в переводе с латыни означает «обращенный лицом». От государственных банков, наследства старой системы, «Аверс-банк» отличали гибкость и умение учитывать пожелания клиентов. А желали одного: получать как можно больше прибыли, уплачивая при этом как можно меньше налогов. Ведь если платить все предусмотренные законом налоги, вскоре можно оказаться в долговой яме. Чтобы этого избежать, молодым, еще не твердо стоящим на ногах предприятиям требовался черный нал. И банк Тимура эту потребность удовлетворял. Конечно, операция эта была не совсем законной, скорее даже совсем незаконной. Но многочисленные нестыковки в законодательстве служили для нее пусть слабым, наподобие фигового листка, но все-таки прикрытием – к вящей радости акционеров и клиентов.

Надо ли говорить, что одним из самых крупных акционеров был Михаил Молчанов, отец Тимура? Крушение привычного мира, благотворно сказавшееся на карьере сына, поставило жирную точку в карьере отца. Однако этот факт несколько не удручал Михаила Петровича. Он давно уже вынашивал идею зажить где-нибудь спокойной и сытой жизнью состоятельного рантье, построить дом. И чтобы обязательно был яблоневый сад. Почему именно яблоки, а не, к примеру, орхидеи, Михаил Петрович не рассказывал. Тимуру это напоминало повесть Гайдара, имя заглавного героя которой он носил. Скорее всего, яблоки были детской мечтой Молчанова-старшего, родившейся в голодные послевоенные годы. И что-то нашептывало Тимуру, что отец входил в компанию мальчишей-плохишей, отрясавших сады дачников.

Место для будущего дома Михаил Петрович выбирал придирчиво. Ему хотелось одновременно и почти первозданной природы – и близости к городу, чтобы Тимур иногда приезжал проведать родителей. Исколесив окрестности, он положил глаз на дореволюционной постройки усадьбу в поселке Лесное, почти полностью разрушенную во время войны. Формально здание принадлежало местному поссовету. И хотя по документам числилось как не имеющее исторической ценности, энтузиасты во главе с учительницей географии Марией Васильевной пытались сделать из него музей, воссоздать историческую обстановку. Однако из-за отсутствия средств из этой затеи ничего не вышло. По селу о доме шла дурная слава – вроде как прежние хозяева все умерли не своей смертью. Но Молчанова дореволюционные покойники не волновали.

С председателем поссовета Михаил Петрович поладил легко – уж чего-чего, а убеждать он умел, да и связи кое-какие были. Сложнее пришлось с Марией Васильевной, Марией, как называли ее односельчане. Поговаривали, что она какая-то дальняя родственница хозяев дома и, не имея возможности подтвердить свое право на проживание в нем, пытается помешать сделать это кому-либо другому.

Они встретились у памятника Ленину, стоящего посреди клумбы маргариток перед зданием поссовета. Левой рукой Ильич комкал кепку, а правую простер вперед, указывая на Зеленую горку, к пологому склону которой прилепилась полуразрушенная усадьба. Казалось, Ленин одобряет выбор Михаила Петровича.

«Добрый знак», – подумал Молчанов и в этот момент услышал деликатное покашливание и негромкий, с легкой хрипотцой, женский голос:

– Михаил Петрович, я не ошибаюсь?

Он обернулся и увидел высокую, стройную и очень красивую женщину с иссиня-черными волосами, собранными в узел. Строгий черный костюм подчеркивал аристократическую бледность лица.

– Здравствуйте. Да, это я, – он церемонно склонил голову, – а вы, если не ошибаюсь, Мария Васильевна, хозяйка местных достопримечательностей?

В ее глазах промелькнуло выражение растерянности, видно было, что она не готова к такому началу разговора. Хотя в том, что к разговору она готовилась, как и в том, что встреча у памятника Ленину была неслучайной, Молчанов ни на секунду не сомневался.

У него имелся огромный опыт ведения переговоров, не чета сельской учительнице, поэтому он с ходу взял инициативу в свои руки.

– Я знаю все, что вы хотите мне сказать. – В ее глазах он заметил плохо скрытый сарказм. – Что дом – это наша история, уничтожить его – значит предавать саму историю.

Тут он сделал паузу, достаточную для того, чтобы сбитая с толку его прозорливостью собеседница пришла в себя, но недостаточную, чтобы она успела озвучить мысли, роящиеся в ее идеально пропорциональной, будто вылепленной древнегреческим скульптором, голове.

– Но, во-первых, документов, подтверждающих историческую ценность дома, нет, а во-вторых, я планирую аккуратно разобрать его и передать материалы на строительство храма. – О планах постройки церкви в поселке он узнал только что от председателя поссовета. – Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы? – он снова учтиво склонил голову.

– Да у меня, собственно, и не было никаких вопросов, – она сказала это негромко, заставляя Молчанова напрягать слух, этакий учительский прием, предназначенный для привлечения внимания к своим словам, – но это место не годится для постоянного проживания.

– Чем же, позвольте полюбопытствовать? – Молчанов скрестил руки на груди, в упор рассматривая собеседницу. – Вы верите слухам о том, что это плохое место, что прежние хозяева почти не жили здесь, что до революции дом считался проклятым, якобы он приносил несчастье живущим в нем?

– Тут проблема не в доме, а в его месторасположении. Видите, – Мария плавным движением руки обвела развалины и сосняк, растущий чуть поодаль, на склоне.

Редкие невысокие сосны. Стоящие на юру, обдуваемые всеми ветрами и вынужденные приспособляться к такой жизни, они были абсолютно не похожи на своих благополучных лесных родственниц. Асимметричные, с болезненно искривленными стволами, прекрасные в своем уродстве, вызывающие уважение стойкостью в борьбе за существование. Жалко будет рубить такую красоту, освобождая место под яблони. Хотя, пожалуй, можно обойтись малой кровью. Вот те два дерева точно придется убирать – отличное место для белого налива и золотой китайки. А справа можно посадить антоновку. Ей сосны, пожалуй, не помешают. Да...

– Красота, – отозвался Молчанов после долгого молчания. – А воздух какой! Знали наши предки, как выбирать место для жилья.

– А вот и нет! – возразила Мария. – Перед вами тектонический разлом, или, как сейчас их называют, геопатогенная зона. Исследования показывают, что подобные места негативно влияют на здоровье человека.

– Я что-то подобное читал. Помнится, влияние это подобно метеозависимости. Кто-то остро реагирует на изменение погоды, а кто-то абсолютно спокойно. Думаю, я и моя семья принадлежим ко второй категории.

Мария с сожалением посмотрела на Молчанова.

– Ну что ж, поступайте, как хотите. Ваша жизнь, – с этими словами она развернулась и пошла прочь. А Молчанов стоял, не в силах отвести глаз от ее несгибаемой спины. Он понимал, что проиграл эту партию, что последнее слово осталось за сельской учительницей и что, может быть, в ее словах есть какой-то смысл. Но от постройки дома не отказался.

Проектирование, планировка участка, строительство, благоустройство заняли гораздо больше времени, чем планировалось изначально. За это время в семье Молчановых произошло много событий. Главное – Тимур наконец женился. Отец давно намекал ему, что пора уже обзавестись семьей. Сын все отнекивался, ссылаясь на занятость и проблемы на работе. А потом раз – и женился. На дочери держателя второго по величине пакета акций «Аверсбанка». Отец выбор сына одобрил, а мать...

– Ты же не любишь ее, Тимка, – сказала она перед самой свадьбой.

Тимур тогда ничего не ответил. Да и что скажешь? Разве поймет она, недавно отпраздновавшая с отцом серебряную свадьбу, что в период экономических потрясений браки, основанные на любви, – нонсенс? Гораздо важнее способность обоих супругов строить долгосрочные партнерские отношения на базе общих интересов. К тому же ошибка в выборе супруги может обойтись слишком дорого – и на практическом уровне, и в плане эмоций, да и в финансовом смысле. Поэтому главное – не любовь, а определенность. И именно эту определенность он нашел в маленькой, невзрачной Карине, единственной наследнице капиталов своего отца.

Через год родился Артем. К тому времени загородный дом отца уже был достроен. Молчанов-старший предложил сыну поселить жену с ребенком у них – что может быть лучше свежего деревенского воздуха пополам с хрустящим наливным яблоком, – а самому наведываться на выходные.

Это, пожалуй, был первый случай, когда сын с отцом не согласился. Расчет, лежавший в основе брака, оказался верным. Женившись на Карине, Тимур, сам того не ожидая, приобрел в ее лице сторонника, который всегда готов выслушать и дать дельный совет. После рождения сына Карина, работавшая до этого в банке, всецело посвятила себя семье. Делала она это легко, без жертвенного надлома. Получалось, что на долю Тимура выпадали только сливки семейной жизни, ее парадная сторона: вкусная еда, выглаженные рубашки, улыбающаяся жена и весело лопочущий незатейливые стихи Тема. Он догадывался, что существует обратная сторона медали – у каждого аверса есть свой реверс; что кто-то закупает продукты, стирает белье, ремонтирует текущие краны, не спит по ночам над кроваткой больного ребенка. Но организацию этой части семейной жизни взяла на себя Карина. Понятно, она занималась этим не сама – зарплата директора процветающего банка позволяла привлекать любых помощников, но грамотная организация – это уже половина дела.

Было у Карины и еще одно замечательное качество: она умела «делать лицо». Если протокол какого-либо мероприятия требовал от Тимура присутствия супруги, она что-то такое невероятное делала со своим обликом, чтобы выглядеть не хуже, а порой и лучше присутствующих женщин, в том числе барышень из фирм, предоставляющих эскорт-услуги. Ловя завидующие взгляды партнеров по бизнесу, Тимур чувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Глава 8

Зимнее солнце было таким ярким, что Полина Иосифовна невольно щурилась. При этом уголки рта у нее приподнимались, и казалось, что женщина улыбается. А может, она и на самом деле улыбалась, потому что, несмотря на колючий ветер, который так и норовил забраться в коротковатые рукава китайского пуховика, настроение у нее было замечательное. Этому во многом способствовали три свернутые в трубочку купюры, полученные в благодарность от пациентов, а еще коробочка заморских конфет, презентованная пациенткой из палаты героев. То-то внучка обрадуется! И что за радость эти конфеты? Вот раньше были конфеты так конфеты! «Мишка на севере», «Гуливер», «Кара-Кум»... Придешь в магазин, попросишь продавщицу взвесить сто граммов, и пока она сворачивает кулек из четвертушки газеты, замираешь в предвкушении праздника. Выйдешь из магазина и тут же съешь одну. Ощущение такое, словно обдало тебя волной радости, закружило в вальсе и повлекло за собой... Полина Иосифовна слотнула слюну. Сейчас уже нет таких конфет. Канули в небытие вместе с кулками из газеты. Названия остались, а вкус совсем не тот. Ни вальса тебе, ни радостной волны. Полина Иосифовна вдруг почувствовала непреодолимое желание попробовать новомодную конфету. Неужели она и впрямь так хороша, как говорят в рекламе по телевизору, прерывая на самом интересном месте сериалы? В конце концов, конфеты в коробке лежат навалом, внучка и не заметит, что одной штучки не хватает. Уговаривая себя таким образом, Полина Иосифовна дошла до скамейки и, сметя варежкой снег, поставила на нее сумку. Достав коробку, санитарка увидела, что ее уже открывали. «Ничего, я дома аккуратненько подклею, никто и не заметит, – успокоила она себя и, стащив с руки варежку, достала шарик в прозрачной обертке. Нет, – разочарованно поморщилась Полина Иосифовна, – в наше время конфеты были гораздо красивее! В бумажных обертках с картинками, под которыми скрывалась разноцветная фольга! В нее мама на Новый год заворачивала орехи и вешала на елку. А еще можно было сделать секрет: выкопать ямку, положить туда фольгу, придавить сверху стеклышком и закопать. А потом ходить и любоваться...» Пока Полина Иосифовна предавалась воспоминаниям, ее сухие от постоянного контакта с водой пальцы развернули конфету. По цвету она чем-то напоминала соевый батончик, посыпанный вафельной крошкой. Женщина осторожно откусила половинку, чуть не сломав зуб о твердый орех, торчащий посередине. Колючее что-то, напоминает мелко нашинкованную капусту, еще и в зубах застрекает. Судорожно проглотила и сунула в рот вторую половину. Ничего хорошего. Это вам не «Красный мак»... Подхватив со скамейки сумку, Полина Иосифовна пошла дальше, уже слегка сожалея о своем спонтанном поступке. Но, пройдя полквартиры, вдруг почувствовала, что волна ее все-таки настигла. Была ли это волна радости, она так и не поняла, потому что голова вдруг закружилась, словно от стремительного тура вальса, в груди стало тесно и больно. Заметив в двух шагах скамейку, Полина Иосифовна тяжело опустилась на заснеженные доски. Сумка упала набок, коробка с конфетами выскользнула, и шарики в прозрачных обертках покатались под ноги прохожим, спешащим как можно скорее покинуть царство холода. А Полине Иосифовне холод был нипочем. Налетевший порыв ветра закружил ее в вальсе. Последнем.

Глава 9

Вагон резко дернулся, звякнула ложка в стакане. Молчанов понял, что задремал. За окном, укрывшись снежным одеялом, дремала какая-то станция. Тимур вышел на перрон, закурил.

– Стоянка две минуты, – неприятливо буркнула проводница, кутаясь в черное форменное пальто, – далеко не уходите.

Уйдешь тут далеко, Тимур пожалел, что не набросил куртку, – мороз к ночи усилился. Тщательно загасив окурки, метко послал его в урну. Попал. Когда-то, в прошлой жизни, он был неплохим дартсменом. Сотрудники, зная страсть шефа, на любой праздник дарили ему комплекты для игры: от самых простых до эксклюзивных, с сизалевыми мишенями из спрессованных волокон агавы, тончайшей разделительной проволокой и дротиками из стали с высоким содержанием вольфрама.

Проводница посторонилась, пропуская неприятного пассажира в вагон, показавшийся после уличной стужи нестерпимо жарким. Будто он вновь вернулся в тот августовский день, когда ему позвонила Карина и каким-то надломленным мертвым голосом сообщила, что с Артемом стряслась беда и она срочно вылетает в Крым. Тимур сначала даже не поверил своим ушам. Попытался уточнить, но Карина уже повесила трубку. Как же так? Сын отдыхал в элитном оздоровительном детском центре – пионерлагере, как называл его Тимур, – под Алуштой. На деньги, отданные за путевку, вся семья Молчановых могла, ни в чем себе не отказывая, провести неделю на любом средиземноморском курорте. С мальчиком просто ничего не могло случиться, уверял себя Тимур, вырываясь с парковки.

Карину он нашел в аэропорту, где она пыталась взять билет на ближайший рейс до Симферополя.

– Два билета, – сказал Тимур девушке-кассиру.

Он боялся посмотреть жене в глаза, боялся ее слез. Но глаза были сухими. Затравленными, больными, но сухими.

А еще она была другой. Двигалась скупно, говорила коротко, по-деловому. Тимур не привык видеть ее такой, не воспринимал ее такой. Он кожей чувствовал ее внутреннюю нервозность, и от этого деланое спокойствие жены казалось фальшивым, как игра бесталанных актеров. Во время перелета, рассматривая ее профиль на фоне теснящихся за стеклом иллюминатора облаков, он тщетно пытался отыскать в застывших чертах прежнюю Карину. И эти тщетные попытки выбивали его из привычной колеи сильнее, чем нелепое словосочетание «приступ клаустрофобии» – единственное, что поняла Карина из рассказа начальника детского центра. Он знал, что такое приступ, и слово клаустрофобия не ставило его в тупик, но применить их к Артему как-то не получалось. И когда после перелета и утомительной тряски по плавающей трассе они подъехали к утопающему в разноцветье астр административному корпусу оздоровительного центра и Артем радостно бросился к ним, словно соскучившийся щенок, у Тимура промелькнуло подозрение, что все это подстроено для того, чтобы вырвать его из привычной рутины, подарить несколько дней отдыха. Тема не выглядел ни больным, ни испуганным – дочерна закопченный, вытянувшийся за те две недели, что они не виделись, на полголовы. Тимур раскинул руки, поймал сына в объятия.

– Па! – Темка повис у него на шее. – Ма! – он бросился в объятия матери. – Как здорово, что вы приехали! Мне сказали, что только мама придет!

– Тише, сынок, – по привычке приструнила его Карина и вопросительно посмотрела на Тимура: – Я пойду?

Артем на шаг отступил, радости в глазах слегка поубавилось. Он обернулся на скамейку, с которой вскочил, увидев родителей, и Тимур увидел девушку, на вид чуть старше Артема,

в джинсовой юбке и белой (пионерской) блузке. Очевидно, девушка «пасла» Тему. Уловив взгляд Тимура, она встала и что-то попыталась сказать, но Молчанов уже не смотрел на нее.

– Вместе пойдем, – твердо сказал он Карине и направился к зданию.

– Ма, давай лучше на море, – услышал он за спиной голос Артема.

– Подожди, сынок, – быстро проговорила Карина, – обязательно пойдем, вот только...

Воздух, скорее даже не воздух, а ведьминский декокт из можжевельника и разнотравья, тягучий и терпкий, обжигал лицо и руки, замедлял движения, делая их такими же тягучими и терпкими. Поскорее хотелось нырнуть внутрь здания, щедро обвешенного по фасаду кондиционерами. Тимур дернул на себя легко подавшауюся дверь и уже было сделал шаг, когда нагнавшая фраза остановила его.

– Тим, мы с Артемкой тут тебя подождем, хорошо?

Слова показались Тимурю обрывком сна, наваянного одурманивающей жарой. Он привык, что Карина всегда поддерживает его решения, независимо от того, согласна она с ними или нет. Тимур резко обернулся. Они стояли, словно наткнувшись на невидимую стену, – мать и сын. Высокий, почти по плечо матери, загорелый Артем и Карина с солнцезащитными очками, поднятыми на лоб и позволяющими видеть ее по-городскому незагорелое лицо и полные тревоги глаза. Тимур сначала даже не понял, что случилось, и лишь спустя несколько секунд увидел, как мелко дрожит в руке жены Темкина рука, как потемнели его глаза от вмиг расширившихся зрачков. Скорее по инерции, чем осознанно, Тимур кивнул:

– Как знаете, – и шагнул в прохладное нутро коридора, мрачного, утыканного по обе стороны дверями-близнецами, отличающимися лишь надписями на табличках. Допотопные люминесцентные лампы, двумя нитками тянущиеся по потолку, гудели, словно гигантские шмели, и в гудении этом слышалась угроза. У двери с табличкой «Приемная» Тимур на мгновение остановился и мотнул головой, словно отгоняя тягостное впечатление от встречи с сыном.

Не обращая внимания на секретаршу, выскочившую из-за стола и пытающуюся остановить его, пересек предбанник, разделяющий две двери – ту, в которую он вошел, и другую, обитую красным дерматином, с гвоздиками, сияющими на солнце золотыми шляпками, с табличкой «Начальник...». Как зовут начальника, Тимур не прочитал – не до того было.

– Моя фамилия Молчанов, – сказал он молодому мужчине с русыми кудрями а-ля Сергей Есенин, восседающему за столом в обрамлении стульев. Стол был таким длинным, что за ним, пожалуй, спокойно могли разместиться все отдыхающие «пионеры», а заодно и «лагерный» персонал.

– Ильин, Николай Николаевич, – начальник встал и протянул руку.

Отказавшись от рукопожатия, Тимур с шумом отодвинул один из стульев и сел на него.

Николай Николаевич, нисколько не смущенный подобной неучтивостью, нажал протянутой рукой на кнопку селектора.

– Лариса Сергеевна, пригласите, пожалуйста, Ольгу, – тут он запнулся и скороговоркой добавил: – Константиновну.

Причину заминки Тимур понял, как только Ольга Константиновна появилась в кабинете. Это была та самая девушка, которая сидела с Артемом на скамейке. И никакая она была не Константиновна – обыкновенная девчонка, лет на пять, максимум на шесть старше Темки. Но держалась хорошо, с достоинством; будучи вызванной на ковер, не волновалась, не улыбалась заискивающе.

– Ольга Константиновна, воспитатель вашего сына, – представил девушку начальник и кивком предложил ей сесть. Молчанова удивил выбор места, которое она заняла, – не рядом с начальником, чтобы его авторитет служил ей подпорной стеной, а напротив разъяренного Тимура. Сейчас, когда их разделял только длинный, но неширокий стол, Молчанов понял, что ошибся в первоначальной оценке возраста Ольги – ей было не меньше двадцати пяти. И еще он понял, что Ольга Константиновна ни в каких подпорных стенах не нуждается. Несмотря на

хрупкое телосложение, в ней чувствовалась сила, причем не та сила, которая ломает и крушит все, что попадет на ее пути, а добрая сила, сила матери, которая способна микроскопическую клетку превратить в разумное существо.

Голосом звонким, но без истеричных нот, присущих неуверенным в себе женщинам, Ольга поведала о случившемся.

Это была экскурсия в подземный дворец, созданный самой Природой миллионы лет тому назад, в самую красивую пещеру Чатыр-Дага с названием, будто сошедшим со страниц «Тысячи и одной ночи», – Эмине-Баир-Хосар. Ольга и десять подростков спустились в сопровождении экскурсовода по бетонной дорожке, проложенной на месте древнейшего русла реки в верхнюю галерею. Ничто не предвещало беды. Эхо многократно повторяло восторженные возгласы, шелкали фотоаппараты. Чувствовалось, что экскурсовод влюблен в свою работу. Он не просто протащил детей за шкуру по пещерным достопримечательностям, призывая скороговоркой «посмотрите-налево-посмотрите-направо». Словно сказочный маг, он оживил каменных идолов, помог увидеть, как на влажных стенах вдруг вспыхивают диковинные цветы, ощутить нереальную глубину озера с такой прозрачной водой, что на дне просматривается каждый камушек. Ольга не впервые была в Баире, но даже у нее порой перехватывало дыхание от восхищения.

– Сейчас будет не очень интересный участок, – предупредил гид. – Это искусственный тоннель, прорубленный для удобства экскурсантов.

Тут-то все и случилось. Тоннель был достаточно большим, чтобы мог свободно пройти взрослый человек. Однако, миновав всего несколько метров, Ольга, замыкающая группу, увидела, что впереди образовался затор. Влажный воздух тоннеля наполнили тревожные возгласы. Они эхом отражались от стен, и казалось, камни кричат. Ольга впервые подумала о том, что над головой почти сто метров монолита. А вдруг землетрясение? Обвал? Внезапно впереди раздался пронзительный вопль. Ольга протиснулась сквозь сбившихся в испуганную кучку детей. На полу, закрыв лицо руками и поджав к груди колени, лежал Артем. Экскурсовод, склонившись над ним, одной рукой пытался нащупать у мальчика пульс, а другой вытаскивал из нагрудного кармана рацию.

– Обморок, – предупредил он вопрос Ольги. – Не волнуйтесь, такое бывает. С ним все будет в порядке.

Ольга окинула взглядом испуганные детские лица.

– Все хорошо, – улыбнулась она воспитанникам и громко спросила: – Ведь правда?

Дети вразнобой закивали.

– Правда... Правда...

– Правда... да... да, – отозвалось эхо, и от этого многократного «да» неожиданно стало немного легче.

Экскурсию пришлось прервать. Два спасателя, вызванные экскурсоводом, вынесли на руках так и не пришедшего в сознание Артема; за ними, с трудом поспевая, выбралась на поверхность группа. И только когда в лицо ударил горячий ветер, а в уши ворвался оглушительный звон цикад, Ольга наконец перевела дух.

– Что с ним? – спросила она у одного из спасателей.

– Клаустрофобия, это бывает, – ответил тот, – видите – мальчик уже приходит в себя.

Действительно, Артем открыл глаза и испуганно озирался по сторонам, очевидно, стараясь понять, как он вдруг перенесся из царства мрака на затопленное солнцем плоскогорье. Ребята, перебивая друг друга, затараторили, изображая в лицах поведение экскурсовода, Ольги и двух ангелов-спасателей. Артем смущенно улыбался, видно было, что ему неловко за свое не совсем мужское поведение и одновременно приятно такое внимание со стороны сверстников.

Ольга связалась с начальником оздоровительного центра, объяснила ситуацию и получила приказ немедленно возвращаться. Однако тут возникли неожиданные проблемы. Артем

наотрез отказался войти в микроавтобус. Все попытки воспитательницы успокоить его словно наткнулись на непреодолимый барьер. Мальчик с ужасом смотрел на открытую дверцу маршрутки и, казалось, никого и ничего не слышал.

Микроавтобус с детьми уехал, а Ольга осталась с Артемом дожидаться врача из пансионата. Усадить мальчика в машину удалось только с помощью успокоительного. Всю обратную дорогу Артем мирно дремал на заднем сиденье, но когда его попытались занести в спальню, забился в истерику. Посоветовавшись с врачом, начальник пансионата принял решение оставить ребенка с воспитателем ночевать под открытым небом – благо ночь обещала быть ясной – и срочно вызвать родителей мальчика. Конечно, последний шаг подрывал безупречную репутацию заведения, но держать ребенка на транквилизаторах, не заручившись согласием родителей, – значит просто поставить на этой репутации жирный крест.

Тогда, в Алуште, слушая обстоятельный рассказ Ольги, Тимур не представлял, как отразится это событие на дальнейшей жизни семьи Молчановых.

Возвращаясь домой, он решил, что лучше будет не везти Темку в город. Пусть пару недель поживет с Кариной у бабушки с бабушкой. Там, по крайней мере, нет лифта и тесных лестничных пролетов.

Тимур в последние годы бывал у родителей наездами, подолгу не задерживался, чаще общался по телефону и был поражен царившей в их доме атмосферой. Казалось, отец с матерью вновь вернулись в пору романтической юности. Их взгляды, слова, оброненные вскользь, мимоходом, переполняли тепло и искренняя привязанность.

Яблоневый сад не оправдал надежд Михаила Петровича. Виновато ли в том было тесное соседство сосняка, или подтверждались слова Марии о геопатогенной зоне, но, несмотря на то что саженцы привозились из элитного питомника, деревца выросли неказистые, яблоки родили мелкие, незавидные. Избалованная сельская ребятня предпочитала фрукты из собственных садов, и мечта Молчанова-старшего накормить плодами соседей так и осталась бы мечтой, если бы у его супруги, Елены Павловны, вдруг не обнаружилась предпринимательская жилка. Сначала она приспособилась варить из несъедобных на вид яблок варенье, повидло и замечательный конфитюр на французский манер – с кальвадосом и корицей. Когда полки в шкафах на кухне уже прогибались от разнокалиберных банок с аккуратными этикетками, Елена Павловна решила попробовать себя в роли кондитера. И, надо сказать, роль эта ей удалась.

– Очевидно, в прошлой жизни я была поваром, – говорила Елена Павловна, принимая очередную порцию аплодисментов. – Жалко только, что я так поздно это узнала. Как хочется в следующей жизни вспомнить об этом хоть на капельку пораньше, – и она соединяла пахнущие сдобой пальцы, показывая, какой маленькой, в ее представлении, должна быть эта капелька.

– Что ты, Леночка, – говорил Михаил Петрович и прижимал к своей щеке ароматные пальцы супруги, – совсем и не поздно, у нас с тобой еще все впереди.

Елене Павловне не хотелось довольствоваться мнением домашних поклонников. Она мечтала вывести свои шедевры «в люди». Михаил Петрович воспротивился было. Зачем это надо? Денег, что ли, не хватает? Но глаза жены горели таким азартом, что он пошел на пятую, поручив Тимуру прокачать организационные вопросы. Для начала производства требовалось отдельное помещение. Памятуя о данном председателю сельсовета обещании передать оставшиеся от старого дома мраморные ступени, балясины, декоративные колонны и фрагменты лепнины на строительство церкви, Михаил Петрович аккуратно сложил их в дальнем конце участка. Но жизнь в Лесном потихоньку угасала, председателю было уже не до церкви; на повестке дня стояли более насущные вопросы. И на Зеленой горке снова закипело строительство. Первоначально предполагалось соорудить что-то легкое, вроде летней кухни, но, казалось, сами камни внесли коррективы в проект людей. В результате летняя кухня по-молчановски скорее напоминала древнегреческий храм в миниатюре: белые колонны, мраморные

ступени и статуи богинь в нишах. Статуи, конечно, современные, зато колонны и ступени, истертые множеством ног, – самые что ни на есть старинные.

С помощью Тимура Елена Павловна заключила несколько договоров с магазинами, и очень скоро булочки, пирожки, штрудели и шарлотки стали пользоваться горячим спросом.

Мать вставала каждое утро в четыре часа утра и ставила опару. К пяти приходили две помощницы. В семь тридцать приезжал небольшой фургон «Фиат» и забирал еще не успевшую остыть выпечку, а Елена Павловна с помощницами отправлялись на задний двор. Там, сидя на узловатых стволах сосен, вырубленных при закладке сада, они делились последними сельскими новостями, выкуривали по сигарете и разбегались по домам. К восьми, когда просыпался Михаил Петрович, под колоннадой, за мраморным столом в стиле барокко, его уже дожидалась супруга и сиял начищенной латуной самовар. Елена Павловна, всегда строго следившая за фигурой и в молодости походившая, как в шутку любил говорить муж, на собаку породы русская борзая, прибавила несколько килограммов и теперь, рядом с самоваром, напоминала кустодиевскую купчиху. Яркую, красивую и очень счастливую. На вырученные от продажи пирожков деньги Елена Павловна потихоньку переделывала «большой» дом под свой новый имидж. Она ездила по антикварным магазинам и привозила немислимый металлолом, который с помощью сельского слесаря, пьяницы с золотыми руками Акимыча, превращался в редкой красоты канделябры, подсвечники, жирандолы... Кованая лестничная решетка, где переплелись лилии, короны и единороги, казалось, вела не на второй этаж загородного дома, а в королевские покои. Михаил Петрович догадывался, откуда ветер дует. В последнее время жена свела близкое знакомство с Марией, учительницей, когда-то мечтавшей сделать из Зеленогорских развалин музей. Именно тонкие манипуляции Марии и служили двигателем происходящих в доме перемен. Но Молчанов-старший открывать глаза жене на истинную подоплеку «дружбы» учительницы не собирался. С одной стороны, сложившееся положение вещей его вполне устраивало, с другой – не поселись он в Лесном, может, что и выгорело бы с музеем-усадьбой, потянулся бы в село ручеек туристов. Дальше – больше: пара ресторанчиков, мотель, гостиница, наскребли бы всем миром на церковь. И выжило бы село. А сейчас, того и гляди, закроется школа, придется детей отправлять в город, в интернат. А на это не всякий родитель согласится, выход один – бежать из села. Эти грустные мысли всякий раз вызывали у Михаила Петровича чувство вины, от которого он и откупался, помогая Елене Павловне в ее начинаниях. Так обстояли дела в то августовское утро, когда Тимур привез в родительский дом Темку и Карину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.